

СОВРЕМЕННИК

Наум
Лабковский

МЕДВЕЖИЙ
ДУШ

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННИКА •

Наум Лабковский принадлежит старшему поколению советских писателей и журналистов.

Сборники юмористических рассказов в «Библиотеке Крокодила», книги переводов польских и болгарских юмористов, среди которых антология польской эпиграммы от XV века до наших дней «Польские фразы» и сборник рассказов «Сирена в котелке» старейшего польского сатирика Веха, давно ставшие популярными песни «Полевая почта», «Помирать нам рановато», «Вьется вдаль тропа лесная», «Родные берега» — вот довольно внушительный литературный багаж автора предлагаемой читателю книги.

Наум Лабковский

Медвежий душ

Юмористические
рассказы

Москва • 1977

Лабковский Н. Д.

Л12   Медвежий душ. Юмористические рассказы. М., «Современник», 1977.

144 с. (Новинки «Современника»).

В новую книгу Н. Лабковского вошли рассказы, многие из которых печатались на страницах периодической печати.

Юмор, сатира писателя помогают увидеть достойные осмеяния характеры и понять природу некоторых отрицательных явлений, еще бытующих в нашей жизни.

70302—055
Л   без объявл.
М 106(03) — 77

Р2

**Тысяча
извинений**

Ты, вы и здасьте

У моего начальника, назову его условно Петровым, одна странность: он никогда не здоровается первым. Не здоровается, впрочем, и вторым. Идут, бывало, ему навстречу сотрудники, а он их как будто и не видит. Никому не скажет «здравствуйте». Если же кто первым с ним поздоровается, он пробурчит что-то невнятное и исчезнет за двойной дверью своего кабинета.

Лично я на него не обижался. Человек он перегруженный, может быть, каждое «здрасьте» отвлекает его от важных мыслей. В конце концов и без «здрасьте» прожить можно.

Но через некоторое время я стал замечать, что и другие начальники в нашем учреждении, те, что калибром поменьше, перестали здороваться с подчиненными, а последние, в свою очередь, перестали замечать посетителей.

Есть у нашего начальника еще одна особенность: в его словаре отсутствует слово «вы». Приглашает он, допустим, подчиненного в кабинет, чтобы его поощрить, и говорит:

— Здравствуй, Иванов. Вот что я тебе скажу, Иванов, я тобою доволен, Иванов, ты молодец, Иванов, ты поддержал честь нашей организации... — и так далее.

Если подчиненного надо проработать, у товарища Петрова имеется вариант:

— Здравствуй, Иванов. Вот что я тебе скажу, Иванов, я тобою недоволен, Иванов, ты шляпа, Иванов, ты уронил честь нашей организации...

Иванов переминается с ноги на ногу и не знает, как ему отвечать. Хотя начальник на двадцать лет моложе, а «тыкнуть» ему в ответ совести не хватает. И подчиненный бормочет что-то вроде: «Спасибо вам, товарищ Петров...» — и при этом краснеет от неловкости.

В конце концов и это можно было бы пережить, но я стал замечать, что и другие начальники, калибром пониже, стали «тыкать» своим подчиненным, а те, в свою очередь, перешли на «ты» с посетителями, а на «ты» бог знает, что сказать можно...

И вот как-то пришел мой черед. Начальник вызвал меня в кабинет, похлопал по плечу и сказал:

— Ты молодец, я тобою доволен, ты поручение выполнил хорошо.

Мне бы ответить: «Спасибо вам, товарищ Петров» — и т. д. и т. п.

А меня занесло. Я лет на двадцать старше его и лет на пятнадцать дольше работаю в нашем учреждении. И что я — подхалим какой-нибудь, чтобы, если со мной говорят на «ты», я буду отвечать на «вы». И я сказал:

— Спасибо тебе на добром слове, Петров, ты молодец, Петров, умеешь отметить хорошую работу. Я тобою тоже доволен, Петров...

И похлопал его по плечу.

Мой начальник оторопел. С минуту помолчал, только глаза у него бежали, а потом пришел в себя и говорит:

— Вы того, этого... вы идите, товарищ, идите...

И я ушел. Совсем ушел. По собственному желанию. Как не сработавшийся с руководством...

Но на моем пути встал начальник товарища Петрова. Назову его условно — Тараскиным. Очень вежливый человек. Он пригласил меня в свой кабинет.

— Здравствуйте, — сказал он и пожал мне руку. — Садитесь, пожалуйста! Объясните, почему вы подали заявление об уходе. Что вас заставляет нас покинуть? Что вам у нас не нравится?

Я объяснил. Все подробно и насчет того, что нету «здрасьте», и насчет того, что в избытке есть «ты»! И насчет того, как это дурно отражается на подчиненных...

Начальник моего начальника ужаснулся.

— Как это могло получиться! — воскликнул он. — Чтобы в руководимом мною учреждении процветали такие порядки! Честно говоря, даже не верится... Во всяком случае, спасибо за сигнал, я все проверю. Зайдите через недельку... — И он оставил у себя мое заявление.

Через неделю он сам вызвал меня к себе.

— Здравствуйте! — сказал он и пожал мне руку. — Садитесь, пожалуйста. Ну, вот я все лично проверил. Ваша обида неосновательна, видимо, вам просто все показалось. Я нарочно на этой неделе старался по нескольку раз в день попадаться товарищу Петрову на глаза, и каждый раз он говорил мне «здравствуйте» и ни разу не обратился ко мне на «ты». Вот как!

И он возвратил мое заявление со своей резолюцией: «В увольнении отказать, за отсутствием уважительных причин».

Таким образом я остался в нашем учреждении. А с товарищем Петровым что-то случилось. При каждой встрече он, улыбаясь, говорит мне «здравствуйте» и не забывает спросить «как ваше здоровье, как вам работается»...

Скорее всего он думает, что у меня сильная рука «наверху».

А знаете ли вы...

Санаторий находился в горах, высоко над морем. Мне отвели маленькую, уютную комнату. В столовой усадили за двухместный столик на веранде. Поглощая отбивные, я мог наблюдать, как снуют по лазурной глади пестрые паровоходики, до отказа набитые полуголыми бронзовыми курортниками.

Погода стояла отличная, и я приготовился отдыхать, что называется, на полную катушку.

Утром я спустился в столовую в отличном настроении и с отличным аппетитом. За моим столиком уже сидел мужчина средних лет с круглым лицом, на котором почти с геометрической точностью были размещены круглые щеки, круглые губы, круглые глаза и круглые очки.

— Ласточкин, — представился он, протянув мне круглую ладонь, — будем, значит, вместе питаться.

— Очень приятно, — сказал я и, пододвинув поближе тарелочку с салатом, потянулся за хлебом.

— Это правильно, что вы берете хлеб правой рукой, — неожиданно произнес Ласточкин.

— А что? Разве это не полагается?

— Да нет! Просто некоторые берут хлеб левой рукой. А вообще, конечно, практичнее брать правой. Правая рука у человека обычно длиннее левой, ею можно больше захватить.

Я отдернул руку и стал есть салат без хлеба. Без хлеба я съел и яичницу, и жареную печенку, и компот.

Возвратившись в свою комнату, я, вместо того чтобы собираться на пляж, стал разглядывать в зеркале свои руки. Мне показалось, что правая рука у меня действительно длиннее левой. Или, скорее, левая была короче.

К обеду я постарался прийти пораньше: очень уж не хотелось есть первое и второе без хлеба. Я уже доедал поразительно вкусные жареные грибы в сметанном соусе, когда появился Ласточкин.

— Привет! — сказал он, усаживаясь за столик. — Грибы едите? Вкусные?

— Очень.

— Очень... А знаете ли вы, что самый ядовитый из грибов аманита-фаллоидес, являющийся причиной всех отравлений грибами, обладает прекрасным вкусом?

Я поперхнулся.

Черт побери! У этих грибов действительно был прекрасный вкус...

— Что, небось волос попался в соус? — сочувственно осведомился Ласточкин. — Волос в еде разглядишь не сразу. Средний диаметр человеческого волоса равен всего десятой миллиметра.

Я поднялся из-за стола.

— Гулять собрались! — отреагировал Ласточкин. — А ведь гроза может быть.

— Откуда гроза? С чистого неба?

— А знаете ли вы, что гром редко можно слышать на расстоянии больше двадцати километров. Может, там уже гремит...

— И-и... — начал я заикаться от злости, но Ласточкин перебил меня:

— А знаете ли вы, что буква «и» одна из наиболее употребительных в европейских языках? Чаше ее встречается только буква «е». Так, например, во французском языке она встречается сто восемьдесят четыре раза на каждую тысячу букв.

Я сбежал. Было очевидно, что если мне не удастся подавить Ласточкина, я вынужден буду покинуть удобный двухместный стол на веранде с видом на лазурную гладь моря. И я разработал коварный план. Всю ночь я сочинял самые невероятные занимательные сведения, которые могли бы стать украшением любого еженедельника.

К завтраку Ласточкин явился с хорошим аппетитом. Как всегда круглый, он уселся за столик, потер руки и воткнул вилку в румяную котлету.

Но не тут-то было.

— А знаете ли вы, что каждая котлета, съеденная человеком, сокращает его жизнь ровно на то время, которое он затратил на еду? — невинно спросил я.

Ласточкин отодвинул тарелку и потянулся за молоком.

— А знаете ли вы, что в стакане коровьего молока содержится микробов, опасных

для жизни человека, несколько больше, чем в стакане прокипяченной воды?

Обмякший Ласточкин стал вяло намазывать на хлеб масло и мед.

— А знаете ли вы, — с ужасом воскликнул я, — что пчелы часто умирают от паралича?

Теперь уж из-за стола поднялся Ласточкин. Но я увязался за ним.

— Идете в свою комнату... — сокрушался я. — А знаете ли вы, что свиньи, коровы и овцы, проживающие в хлеву, имеют сердце в два раза меньше, чем птицы, олени и скаковые лошади, находящиеся в постоянном движении?

Ласточкин попытался скрыться в туалете. Я последовал за ним.

— А знаете ли вы, что на каждые сто нормальных людей приходится 0,76 зануд, которые в состоянии испортить жизнь остальным 99,24.

Ласточкин схватился за голову.

— А знаете ли вы, что размягчение мозга наблюдается в большинстве случаев у мужчин, засоряющих свой мозг всякой белибердой?

Больше Ласточкин не появлялся. Его перевели за восьмиместный стол.

Тысяча извинений

Сколько раз я читал забавные истории о телефонных путаницах, но никогда не представлял себе, что стану участником одной из них.

Как-то, месяцев шесть назад, у меня дома зазвонил телефон. Это было довольно ординарное явление, в нормальный будничны́й день телефон на моем столе звонит с интервалами в одну-две минуты. Я поглядел на него враждебно, твердо решив не поддаваться. Однако в его ровном, назойливом звоне было что-то такое вкрадчивое, просительное, что я не выдержал и поднял трубку.

В трубке послышался мужской голос:

— Тысячу раз прошу извинить меня за беспокойство, но если это не составит для вас труда, я был бы весьма вам обязан, если бы вы были настолько любезны и не отказались пригласить к телефону Павла Николаевича.

— Какого Павла Николаевича? — спросил я.

— Павла Николаевича Василькова. И если это вас не затруднит, будьте так любезны, скажите ему, что его беспокоит Корзинкин.

— Вы, видимо, не туда попали. Никакого Василькова здесь нет.

— Тысячу извинений! — защебетал в трубке мой собеседник. — Это моя вина! В записной книжке нечетко записан номер, непонятна последняя цифра. Не то три, не то восемь. Я набрал восемь, а, видимо, это три. Миллион извинений...

Телефон звякнул так подобострастно, что я невольно приподнялся в кресле и пробормотал:

— Ничего, ничего, с кем не случается.

Вскоре я забыл о звонке.

Прошло недель пять или шесть, и однажды утром телефон на моем столе опять за-

звонил просительно, правда, на этот раз не так подобострастно.

Знакомый мужской голос сказал:

— Здравствуйте! Вас беспокоит Корзинкин. Не будете ли вы так любезны попросить к телефону Павла Николаевича Василькова?

— Василькова здесь нет, — сказал я.

— Уже уехал в управление! — горестно отозвалось в трубке. — А я только собирался к нему. Не будете ли вы так любезны передать ему...

— Не буду... — перебил я. — Ничего я не смогу передать Василькову, потому что его здесь нет, не было и не будет. Вы не туда попали. Это частная квартира.

— О! Простите! — заурчала трубка. — Это все моя записная книжка! Тут нечетко записана последняя цифра. То ли три, то ли восемь...

— Три! Три! — крикнул я и положил трубку на рычаг.

Больше он не звонил. Видимо, исправил неточность в записной книжке.

Но вот месяца два назад телефон на моем столе зазвонил как-то по-особенному. И было в этом звонке что-то ужасно знакомое. Нет, от подобострастия в нем не осталось и следа, но ощущалась все та же сахаринная сладость.

Я быстро схватил трубку.

— Павел Николаевич? — спросил грудной мужской голос. — Говорит Корзинкин.

— Здравствуйте, товарищ Корзинкин, — обрадовался я. — Давно не звонили.

— Дела! Дела! — проворчал мой старый знакомый. — На все времени не хватает... Павел Николаевич, не будете ли вы так любез-

ны заехать ко мне между двумя и тремя часами, только без опоздания...

Эге! Этот Корзинкин явно шел вверх по служебной лестнице...

— Не буду так любезен! — сказал я. — Вы опять не туда попали. А я-то думал, что вы уже исправили в записной книжке цифру восемь на три.

— Алла Петровна! — слышался в трубке сердитый начальственный окрик. — Я же вам ясно сказал, что телефон Василькова кончается не на восемь, а на три. А вы меня соединяете черт знает с кем...

Телефон сердито звякнул, и я понял, что потерял Корзинкина навсегда...

Но не тут-то было...

Вчера телефон на моем столе зазвонил строго и повелительно. Я с надеждой схватил трубку.

— Васильков! — гневно зарычал знакомый голос. — Говорит Корзинкин. Что у тебя в отделе происходит?! Где твоя отчетность за третий квартал?! Или ты соскучился по выговорам, черт побери?!

— Товарищ Корзинкин, — нежно сказал я, — прошу меня извинить, но вы не туда попали. И если это не составит для вас труда, я был бы очень вам благодарен, если бы вы были настолько любезны и велели вашей секретарше исправить цифру восемь на три.

— Алла Петровна! — во всю силу мембраны заорала телефонная трубка. — Сколько раз вам надо говорить одно и то же!

Видимо, Корзинкин достиг апогея. И надо думать, что я больше никогда не услышу его...

Хотя, впрочем, проживем — увидим. Может

быть, через год-другой на моем столе раздастся звонок телефона, и знакомый голос скажет:

— Тысячу раз прошу извинить меня! Вас беспокоит Корзинкин... Если это не составит для вас труда, я был бы очень обязан...

Я буду ждать этого звонка с нетерпением.

Плохой советчик

Вчера Майя меня спросила:

— Дядя, почему меня зовут Майя?

Я не нашелся, что ответить.

Она смотрела на меня большими голубыми глазами, и была в них такая надежда и вера в мою мудрость, что я окончательно растерялся.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, — предложил я, — хочешь, я тебе расскажу...

— О другом я не хочу, — заупрямилась Майя. — Я хочу знать, почему меня зовут Майя? Ты не знаешь...

Ее губки начали складываться в презрительную мину. Еще немного, и она окончательно потеряет веру в мужчин. Страшно было подумать, как это могло отразиться на ее судьбе лет через двадцать. Что бы такое придумать?

— Наверно, потому, — ухватился я за первую подвернувшуюся мысль, — что ты родилась в мае.

-- Не... — мотнула она белокурой головкой. — В мае родилась Зина, а я родилась в ноябре.

— Ну какая разница, — заметил я. — В мае праздник, и в ноябре праздник.

— Большая разница, — назидательно сказала она. — В мае праздник Первое мая, а в ноябре праздник Октября. Такой большой, а не знаешь. У тебя телевизора нет, что ли?

— Телевизор есть...

— Значит, мама не позволяет смотреть, — сочувственно сказала Майя. — Зине тоже мама не всегда позволяет. Потому что, когда она смотрит телевизор, она не делает уроков и получает двойки. А ты тоже получаешь двойки?

— Когда-то получал, — признался я.

— И тоже из-за телевизора?

— Тогда еще телевизоров не было.

— Как это не было? — удивилась она. — Телевизоры всегда были. А маяк у тебя дома есть?

— Какой маяк, Майенька?

— Обыкновенный, который последние известия говорит. Слушай маяк — и все будешь знать.

— Хорошо, буду слушать.

— Молодец. Ты послушный. Я тебя люблю. Майя взобралась ко мне на колени и чмокнула меня в щеку.

Как легко, оказывается, завоевать сердце женщины, если ей нет еще пяти лет.

— Тебя можно поцеловать, ты не бородатый, — сказала она. — А к нам ходит дядя Витя, у него борода рыжая. Я его один раз поцеловала в щечку, так все губки себе наколола.

Это новость!.. Оказывается, здесь бывает какой-то «дядя Витя». Мне об этом ничего не говорили.

Мутное чувство ревности забродило во мне. Я обернулся. Слышно было, как Лидия Петровна возится на кухне. Старшая дочь Зина еще не вернулась из школы. Мы с Майей остались одни.

— Дядя Витя? — спросил я, изобразив на лице полное безразличие. — Я его что-то не знаю.

— Откуда тебе знать. Вы всегда ходите в разное время.

— Гм... И часто он приходит? — спросил я еще более незаинтересованно.

— Через день.

Майя спрыгнула с моего колена. Взобралась в кресло напротив и внимательно рассматривала меня.

— Дядя, — сказала она после некоторого раздумья, — а ты мне не сказал, почему меня зовут Майя?

Теперь мне было не до этого. Рыжебордый «дядя Витя» не выходил у меня из головы.

С тех пор, как Лидия Петровна овдовела, я часто бывал здесь на правах друга покойного мужа. Я был неженат. Одиночество угнетало меня. Лидия Петровна еще молода и хороша собой. Все мне нравилось в ней и в ее доме. Тихая, скромная десятилетняя Зина, робко игравшая на пианино. Озорная, пытливая Майя. Она не расставалась с цветными карандашами и рисовала все, что попадалось ей на глаза, на всем, что попадалось ей под руки. Во мне пробуждалась надежда: объединить две одинокие судьбы. Мужчина не может долго жить один.

Я чувствовал себя здесь близким и нуж-

ным... И вдруг этот неизвестный «дядя Витя». С его рыжей колючей бородой... Оказывается, он бывает здесь через день. Но ведь и я бываю здесь через день. По нечетным числам. Стало быть, он — по четным. Это уже напоминает диспетчеризацию!

Неужели Лидия Петровна ведет со мной недостойную игру?.. На что только способна ревность! План созрел мгновенно.

— А в котором часу бывает дядя Витя?— спросил я.

— Когда Зиночка приходит из школы.

Майя посмотрела на меня с каким-то новым интересом.

— Ты тоже хочешь попробовать, как колет его борода?

— Я уговорю его побриться. Хочешь?

— Мне все равно, — сказала она.

— Почему?

— Я его больше не люблю. Теперь я люблю тебя...

Я с ужасом подумал, что непостоянство она унаследовала у матери.

Так... Зина приходит из школы после часа дня. Я заглянул в свою записную книжку. Завтра мое дежурство на работе. Но в час обеденный перерыв. Можно будет отлучиться. Я повертел в руке записную книжку. Будто печаянно обронил ее и, незаметно, ногой, подвинул под кресло.

Вошла Лидия Петровна. Она принесла скатерть и стала застилать овальный обеденный стол.

— Майя вас наверно замучила вопросами, улыбнулась она.

— Да мы тут кое-что выяснили.

Я говорил, не поднимая головы. От ревности у меня шумело в ушах. Мне казалось, что стоит поднять глаза и я увижу рядом с Лидией Петровной рыжебородую самоуверенную физиономию.

— Сейчас будем обедать, — сказала Лидия Петровна. Она взглянула на часы. — К возвращению Зины и плов поспеет.

— Спасибо, — сказал я, — но мне пора.

— Что так?

— В три часа научная конференция, — сочинил я.

— Очень жаль...

Я расцеловал Майю. Холоднее обычного попрощался с Лидией Петровной.

— До завтра, — пропищала Майя.

— До послезавтра, — поправила ее мать. — Завтра дядя Коля дежурит.

Я выскочил на улицу, чувствуя, как кровь пульсирует в висках. Ну, девочка ошиблась! Зачем было ее поправлять. Чтобы я, не дай бог, не перепутал дни... Все ясно! Но... поглядим, кто хитрее...

...На следующий день ровно в 13.30 я позвонил у дверей Лидии Петровны.

— Вы?! — воскликнула она, увидев меня за порогом. В ее тоне было не то удивление, не то радость. — Посмотри, Майенька, кто пришел!

— Простите, что некстати, — забормотал я, сразу растеряв все слова, так складно приготовленные в уме. — Я забыл у вас свою записную книжку... Без нее я как без рук...

— Вот твоя книжечка, — сказала Майя, появившись в прихожей. — Ты ее засунул под кресло.

Я чуть не сгорел от стыда.

Лидия Петровна поправила:

— Дядя Коля не «засунул» книжку, а уронил.

— Ну, я пойду, — пробормотал я. — Спасибо... извините... как-то неудобно получилось... сегодня не мой день...

— Твой, твой... — запищала Майя, вцепившись в рукав моего плаща.

— Останьтесь, — сказала Лидия Петровна, как-то по-особенному ласково взглянув на меня, — Майенька будет этому очень рада. И ваш плов в холодильнике...

Она ушла на кухню.

Майя стянула с меня плащ.

— А я знаю, почему ты засунул книжечку под диван, — хитро улыбаясь, сказала она. — Потому что ты хотел посмотреть, что я тебе в ней нарисую.

Я перелистал записную книжку и у меня подкосились ноги. Все странички в ней были разрисованы цветными карандашами. Да так, что нельзя было разобрать ни одного телефона!

— Это я для тебя нарисовала, — сказала Майя, вся светясь радостью творчества, — тебе на память...

Из столовой послышался низкий мужской голос:

— Зиночка, ты опять хочешь огорчить маму...

Сквозь неплотно прикрытую дверь я увидел рыжебородого гиганта. Он сидел, развалившись в кресле. Я ухватился за свой плащ, как утопающий за соломинку. Но Майя крепко вцепилась в рукав.

— И раз, и два, и три, и четыре, — донесся бас из столовой. — Нет, Зина, здесь паузы между шестнадцатыми, а ты играешь как восьмые. Неужели трудно запомнить. Играй точно, будет звенеть, как рассыпанный бисер...

И рыжебородый неожиданно запел:

— И раз, и два, и три, и четыре.

«Учитель музыки! — наконец дошла до меня примитивная истина, и пальцы, вцепившиеся в плащ, сами собой разжались. — Господи! Какую непоправимую ошибку я чуть было не совершил! Не зря говорят, что ревность — плохой советчик».

— Дядя, а почему меня зовут Майя? — услышал я нежный голосок. Майя смотрела на меня хитрыми-прехитрыми глазками.

Теперь я знал, что ей ответить.

— Потому, что глазки у тебя голубые, как майское небо, а щечки пунцовые, как майские флаги, а сама ты добрая и радостная, как весна.

**Привет,
Ника**

Дня первого апреля я всегда ожидаю с двойственным чувством: надежды и страха. Дело в том, что среди моих знакомых числится некий Ника. По профессии он инженер-сантехник, но известен больше как мастер розыгрышей. Он умеет говорить женским голосом и пользуется этим без зазрения совести, не стесняясь причинять неприятности ближним.

Стоит Нике узнать, что у вас дома имеется параллельный телефон, а супруга ваша не чужда ревности, тут хоть беги из города.

Однажды у вас дома раздастся телефонный звонок, потом жена крикнет:

— Петя, возьми трубку, тебя какая-то женщина спрашивает...

И здесь начнется такое, что вам в худших кошмарах не мерещилось... «Какая-то женщина» будет обвинять вас в неверности, в том, что вы клялись ей в вечной любви, а вчера она уже видела вас с новой жертвой.

Вам не удастся прервать поток обвинений ни просьбами, ни угрозами. Мистификация будет продолжаться до тех пор, пока в другой комнате не послышится шум падающего тела, означающий, что у параллельного аппарата жена рухнула без сознания. Тогда в трубке раздастся демонический хохот:

— Привет! Это Ника! Здорово я тебя разыграл...

Мне тоже пришлось однажды стать его жертвой. Я неблагоразумно сказал как-то в его присутствии, что мне причитается в издательстве гонорар. На следующий день в бухгалтерию издательства позвонила женщина, назвалась моей женой, поплакалась, что я сильно заболел, а в доме нет ни копейки денег, и попросила перевести гонорар на мою сберкнижку, текущий счет номер такой-то. Как вы уже, наверное, догадались, я был совершенно здоров, а звонил женским голосом Ника. Номер текущего счета, который он назвал, принадлежал ЖЭКу, где я живу.

После этой истории, встретившись с Никой в одном доме, я нечаянно наступил ему на ногу, да так убедительно, что он недели две ходил с палкой.

Долго Ника меня не трогал, но я понимал,

что он что-то затаил. С особенной тревогой я дожидался дня первого апреля. Обычно в эти дни Ника окончательно распоясывался, как бы получая узаконенное право на издевательства.

На всякий случай я предупредил домашних, чтобы первого апреля они были начеку и не поддавались на провокации.

Первый телефонный звонок разбудил меня часов в восемь утра.

— Это квартира сто девятнадцатая? — закричал раздраженный женский голос. — Что у вас там творится? У меня с потолка вода течет!

— Привет, Ника, — улыбнувшись, сказал я и повернулся на другой бок.

Но тут опять зазвонил телефон.

— Скажи, что меня нет! — крикнул я же-не.

— Возьми трубку! Это из милиции!

Я поднял трубку.

Женский голос сообщил, что мой автомобиль «Москвич» находится в четырнадцатом отделении ОРУДа, куда мне надлежит немедленно за ним явиться.

— Привет, Ника! — сказал я. — Если он тебе там мешает, пригони его ко мне, но предварительно вымой, замени масло и заправь бензином...

Тут мелодично запел звонок у двери. Принесли телеграмму. Я прочитал: «Прилетаем Домодедово 12.40. Прошу встретить. Вика».

— Привет, Ника, — сказал я и бросил телеграмму в корзину.

Затем пошел в ванную. Выскочил я оттуда как ошпаренный, в полном смысле этого

слова. Ванная комната была полна горячей воды. Оказывается, накануне вечером я забыл закрутить кран.

Кое-как приправ в ванной, я отправился на работу. Моего «Москвича» во дворе не было. Я почувствовал что-то неладное и помчался на такси в ОРУД. Там мне объяснили, что какой-то пьяный угнал ночью мою машину со двора. На Рублевском шоссе въехал в кювет и заснул. Там он и был обнаружен автоинспектором.

— Ну, это уже слишком! — воскликнул я. — Так далеко Никины розыгрыши еще не заходили.

— Нет, его звать не Ника! — сказали мне. — Вот его шоферское удостоверение.

С фотографии на меня глядела какая-то волосатая физиономия. Это действительно был не Ника.

Когда я приехал на работу, мне сказали, что меня срочно разыскивает жена.

— Так и есть! — подумал я. — Опять Ника устроил хулиганский розыгрыш! — И помчался на машине домой.

— Почему ты не встретил в Домодедово мою подругу Вику! — набросилась на меня жена. — Она только что прилетела и ждет тебя в аэропорту!

— Я думал, что все это проделки Ники. Ведь сегодня первое апреля! Я так и ждал, что он меня разыграет!

— Получается, что ты разыграл себя сам!

— Все равно надо быть начеку!

— Не надо быть начеку, — сказала жена. — Сегодня Ника никого не разыграет...

Смысл этих слов я понял позже. Оказы-

вается, накануне первого апреля Ника получил сообщение из Воронежа, что там внедряют какое-то его приспособление и присутствие автора срочно необходимо. Вечером Ника уехал в Воронеж, а через день возвратился разъяренный, проклиная «идиотов», которые придумывают дикие розыгрыши...

— Послушай, — спросил я у жены, — а ты откуда знала, что на этот раз Ника никого не разыграет? Телеграмма из Воронежа — это твоя работа?

Жена молча улыбалась.

Стыковка на горке

Во дворе мальчики играли в стыковку. Заводилой, как всегда, был Петя. Он собрал команду «космонавтов» в сквере, вокруг снежной горки, и разъяснил задание:

— Я лечу на первом корабле. Миша полетит на втором. С Мишей полетят Валера и Олежка.

Валера и Олежка выступили вперед очень довольные. Собственных саночек у них не было, и на самостоятельный «полет» им рассчитывать не приходилось.

— Я выйду на орбиту вон там... — Петя указал на ледяной накат, проложенный полозьями между деревьями и кустарником. — Вы полетите за мной. У того тополя мы должны стыкнуться. Понятно?

— Понятно! — дружно ответила команда второго корабля.

— А теперь к вышке! — скомандовал Петя и стал взбираться на снежную горку.

Галя, обладавшая самым звонким голосом в доме, отсчитывала время:

— Четыре, три, два, один, но-о-о-оль!

Петины санки помчались вниз, выскочив на накат, и остановились точно в намеченном месте.

— Нахожусь на орбите! — закричал Петя. — К стыковке готов!

На вершине горки команда второго «корабля» торопливо усаживалась в Мишины саночки. Мальчики обхватили друг друга руками и помчались... Но либо расчет был неточный, либо земное притяжение оказалось сильнее намеченного, только Мишу стало кренить влево, и, как он ни старался произвести коррекцию, размахивая руками и ногами, санки вышли на другую «орбиту» и воткнулись в совершенно необъезженный сугроб.

Мальчики вывалились в снег, Петя очень рассердился.

— Что это за стыковка! — закричал он. — Ты что, стыковку по телевизору не видел?

— Не видел, — признался Миша, вытряхивая снег из ушей. — Папа не разрешает смотреть телевизор. Говорит, что это мешает делать уроки.

— В такие дни не разрешает смотреть телевизор?

Подошли остальные ребята и тоже стали возмущаться:

— Пойдем к твоему папе и от имени нашего двора поставим перед ним вопрос...

— Это после... — решил Петя. — А пока — обратно на горку! Делаем вторую попытку. Теперь корабль поведет Валера.

Опять первые санки полетели вниз и остановились в заданном месте.

На Мишиных санках мальчики поменялись местами.

Но либо расчет был неточный, либо земное притяжение... в общем, вся команда очутилась в том же сугробе.

— И тебе папа тоже не позволяет смотреть телевизор? — ехидно спросил Петя у Валеры.

— Мне позволяет.

— Значит, ты видел, как происходит стыковка?

— Видел, но не разобрал.

Тут мальчики и девочки зашумели разом:

— Он выдумывает! Видно было очень четко!

— У вас четко, а у нас нечетко. У нас телевизор испортился.

— И твой папа не вызвал мастера? — возмутился Петя. — В такой день!..

— Еще чего! — хмыкнул Валера. — Пока мастера пришлют, все космонавты уже приземлятся. Мы с папой сами телевизор починили.

— И стало видно?

— Еще как!

— Почему же ты не разобрал?

— Почему... почему... Раньше каждую программу было видно отдельно. А теперь все четыре вместе.

Ребята посмеялись.

— Кто хорошо видел стыковку? — спросил Петя.

Почти все подняли руки.

— Олежка видел. Корабль поведет он.

Петя снова вышел на «заданную орбиту». Во вторых санках переднее место занял Олежка.

— Направо наклоняйтесь, направо! — командовал он, а сам производил коррекцию правой ногой. Санки выровнялись, выскочили на накат и на полном ходу воткнулись в Петины саночки. От толчка Петя вылетел головой в снег.

— Урра! — закричали все ребята хором. — Стыковка! Стыковка!

Петя с трудом вылез из снега. Он растирал шишку на лбу. Лицо его светилось счастьем.

— Побывал в открытом космосе, — объяснял он, — честное пионерское! Звезды увидел, вот такие!

Короткий зимний день оборвался как-то сразу. В небе зажглись настоящие звезды. Мальчики, сгрудившись у горки, переминаясь с ноги на ногу и дыша в варежки, жадно смотрели в небо.

— Сейчас пролетят!

— Обязательно пролетят! Вот они!.. Две точки! Видите!

— Летят! Урра!

Я тоже посмотрел в небо. Я ничего не увидел. Но я ничего не сказал мальчикам. Они увидели. Увидели свою мечту. А это не часто удается и взрослым...

Маришка и очки

Когда Маришке пришла пора идти в школу, ей купили букварь с большими буквами. Такие же буквари лежали на партах и пе-

ред другими девочками. Учительница громко объясняла:

— Это буква «б», а это буква «а». Вместе как будет?

И девочки дружно отвечали:

— Ба!

Только Маришка молчала. Тогда учительница спросила ее отдельно:

— Маришенька, почему ты молчишь? Ты видишь — это буква «б», а это «а». Как будет вместе?

Маришка опять не ответила. Она смотрела на страницу букваря и видела все как в тумане.

— Фу, какая ты непонятливая! — рассердилась учительница.

И зря рассердилась. Маришка не была непонятливой. Она была близорукой.

Родители заказали ей очки. Стекла в аптеке подобрали в самый раз, а вот оправу... Оправы в те годы продавались только круглые, проволочные. Старушечьи оправы. Но зато Маришка теперь хорошо видела. Где буква «б», а где «а», и вместе со всем классом громко читала: «баба», «мама», «папа».

Мальчишки из старших классов посмеивались над Маришкой.

— «Очкарик!»

Девочки сочувственно бросали ей вслед:

— Бедняжка, какая она уродливая...

И зря сочувствовали. Ведь уродливыми были только круглые проволочные очки. А в них Маришка все хорошо видела.

Прошло много лет. Маришка привыкла к очкам.

Но однажды, а было это уже в девятом

классе, с Маришкой случилась на уроке небольшая беда. Она нагнулась, и очки свалились с носа. Раздался звон. Маришка пошарила рукой по полу и ничего не нашла. А мальчик, сидевший неподалеку, звали его Костей, посмотрел на Маришку и ахнул, да так громко, что учитель геометрии вздрогнул и сердито спросил:

— Что там случилось?

Объяснять было излишне, старый «Синус-косинус» никогда бы этого не понял. А случилось вот что: Костя взглянул на Маришку и впервые увидел ее без очков. Вот отчего он ахнул, от изумления.

— Маришка, — шепнул он, — какая ты красивая! Какие у тебя глаза!

— Что там произошло? — желчно проскрипел учитель.

Все равно он не понял бы! Откуда ему было понять, что на глазах у Кости произошло сказочное превращение: пучеглазый лягушонок обернулся красавицей принцессой.

Когда кончился урок, все мальчики обступили Маришку. Заглядывали ей в лицо, трогали ее за руки, за плечи, словно не веря, что это она.

— Найдите мои очки, — жалобно попросила Маришка.

Все бросились искать, и первым, конечно, Костя.

Но сколько ни ползали мальчики по паркетному полу, старушечья оправа как сквозь землю провалилась...

На следующее утро Костя пришел к Маришке домой и смущенно протянул ей маленький пакетик.

Маришка вскрыла его и достала оправу. Чудесную роговую оправу с золоченой переносицей и такими же заушниками.

— Это не моя оправка, — сказала Маришка. — Такие носят только профессора да еще киноактеры в заграничных фильмах. Моя, наверное, закатилась куда-нибудь в щель, поэтому ты ее не нашел.

— Я ее нашел, — признался Костя, — и выбросил в мусорный ящик истории... — Костя любил выражаться красиво. — А теперь пойдем в аптеку, вставим стекла в эту оправу. И пусть для тебя начнется новая эра.

На другой день Маришка пришла в школу в новых очках.

— Как старается наша дурнушка! — шепнула девчонка с последней парты. — Закатила себе очки-модерн...

Это была злая девчонка, но она была недалеко от истины. За выпуклыми стеклами очков опять погасли светильники глаз...

«Природа жестока, — подумал Костя, он даже думать любил красиво. — Природа дала Маришке глаза, которые озаряют все ее существо, и заставила скрывать их за рачьи-ми стеклами».

А вслух он сказал:

— Знаешь что, Мариша! Надевай очки только в самом крайнем случае, когда без них совсем не можешь обойтись.

С тех пор Маришка стала носить очки в сумке. А сама ходила, как в тумане, и думала:

«Ой, кажется, это наша учительница идет... Ой, кажется, папин товарищ топает...»

И на всякий случай кланялась всем.

— Что-то в ней есть неприятное, — шипела злая девчонка с последней парты. — Кланяется кому надо и кому не надо. Подхалимка.

А Маришка не была подхалимкой. Маришка была близорукая. И, наверное, в ней начала просыпаться женщина. Это неминуемо случается с девочками, даже с близорукими. И ей так хотелось, чтобы все видели ее красоту...

На этом можно было бы закончить историю про Маришку и очки, однако ведь история на этом не кончилась.

Много лет я не видел Маришку и ничего о ней не слышал. А на днях иду по улице Горького, и навстречу мне стройная, красивая женщина. Поравнялась, улыбается и приветливо кланяется. Я сразу вспомнил Маришку. А женщина говорит:

— Здравствуйте, вы меня не узнали? Я ваша ученица. Вы у нас в классе геометрию с алгеброй преподавали.

Она весело смеется, и обращается к своему спутнику:

— Посмотри, Костя, какая радостная встреча!

А Костя — эдакий широкоплечий великан в очках — ухватил меня за руку да потрянул так, что чуть руку с корнем не вырвал.

— Кого я вижу! — закричал он на всю улицу, — «Синус-косинус»... — и запнулся, покраснел, как помидор.

— Ничего, — сказал я, — заканчивай. Неужели ты думаешь, что я не знал, как вы меня в классе «Синус и косинусом» величали?

Оказывается, они уже десять лет как муж и жена. Живут под Ленинградом, оба работа-

ют. Она доктор, а он... Вот ведь никогда бы не поверил... Преподает геометрию с алгеброй...

— Объясните мне, — попросил я Маришку, то есть, простите, Марину Федоровну, — как вы меня узнали без очков-то? Ведь вы такая близорукая.

— О! Теперь я уж совсем не такая близорукая! — воскликнула Маришка. — У некоторых близоруких зрение с годами выправляется... — Она поглядела на Костю с укором. — А вот Костя стал дальнозорким. Слишком много сидит над тетрадами. Я ему свою оправу отдала, только стекла в нее другие вставили...

Я взглянул на очки, и мы с Костей, то есть с Константином Сергеевичем, улыбнулись. Если сказать по правде, очки-то на нем мои... Я тогда свою запасную оправу отдал Косте для Маришки. Старушечьи, металлические очки, если помните, в тот день пропали бесследно. По натертому полу они, как на полозьях, прикатились прямо мне под ноги... На мой сварливый вопрос: «Что там произошло?» — ответить мог я один. Ведь подобрал очки я, и я их припрятал от всего класса.

Только вы уж, пожалуйста, никому об этом не рассказывайте. Несolidно как-то! Учитель, а поступил как мальчишка...

**Как я был
моторизованным
пехотинцем**

Когда штык молодец!

Пехоте положено пылить. Я это хорошо знаю. Я сам когда-то был пехотинцем. Учил-

ся ползать по-пластунски и по команде «противник сзади» поворачивал обратно и опять героически полз через пни и кочки, подвергая безжалостному уничтожению «врага» и казенное обмундирование. Я сам преодолевал проволочные заграждения, набросив на них ватную телогрейку, участвовал в массовых кроссах по пересеченной местности и строем с пением «Катюши» шел в столовую за борщом и кашей.

Вот почему, приехав в расположение стрелковой дивизии, я уверенно принялся за расспросы, чувствуя себя как-никак военным специалистом.

— Ну, как у вас, ребятки, обстоит дело со штыковым боем? — задал я первый сугубо профессиональный вопрос.

Ребятки, каждый косая сажень в плечах, смущенно переглянулись и покраснели, как красны девицы.

— Ну, ну, не стесняйтесь, — подбодрил я, — признавайтесь. Видать, дела в этой области идут неважно, овладели штыковым боем или нет?

— Никак нет, — сказал рядовой, который, видимо, был смелее других.

— Это почему же так? — наполовину удивился, наполовину возмущился я.

Ребята покраснели еще гуще.

— Вот видите, — сказал я укоризненно, — сперва плохо готовитесь, а потом краснеете...

Тут старший лейтенант, стоявший поодаль, поманил меня пальцем.

— Как бы это сказать... — начал он. — Ну, в общем, краснеют ребята не за себя, за вас они краснеют, товарищ писатель.

— За меня? Это почему?

— Да по той, извините, причине, что дисциплину «штыковой бой» в современных стрелковых соединениях не проходят. Устаревшая дисциплина.

— А как же быть с классикой? — обиделся я. — Что же это получается: пуля больше не дура, а штык больше не молодец?

— Что касается пули, то она теперь действительно не дура, поскольку вылетает из современного автоматического оружия. А что касается штыка, то он остается молодцом, хотя и в новой роли. Рядовой Петров! — окликнул старший лейтенант. — Покажите товарищу писателю, как надо действовать современным штыком.

Рослый парень вынул из ножен, висевших на поясе, короткий, остро отточенный нож.

— У современного штыка много функций, — начал он. — Вот, к примеру, перед вами поставлена задача преодолеть проволочное заграждение.

— Знаю, знаю! — радостно воскликнул я. — Быстро снимаем с себя ватные телогрейки и набрасываем их... — Но здесь я заметил, что рядовой Петров начинает густо краснеть, и кажется, опять за меня.

— Телогрейки сбрасывать не обязательно, — мягко сказал он, — просто ножны присоединим к штыку вот таким способом и можем резать проволочные заграждения, как обыкновенную бумагу, даже если по проволоке пущен ток высокого напряжения. Ведь рукоятка штыка надежно изолирована... Вот почему и говорят, что штык молодец!

В классе было тихо. У большой грифельной доски стоял солдат и думал. На скамьях сидели солдаты, и на их лицах было написано бурное желание подсказать, сдерживаемое лишь строгой воинской дисциплиной.

Легкое поскрипывание сапог нарушало тишину. Это капитан медленно прохаживался по классу в ожидании решения задачи.

— Тут, видать, арифметику проходят, — шепнул я. — Повышают культурный уровень солдата. Сколько будет шестью семь и как извлечь квадратный корень из сорока девяти. Я в солдатах тоже это самое проходил.

— Разговорчики на задней скамье! — строго сказал капитан.

После этого, помня недавний конфуз со своей эрудицией, я вслух своих мнений уже не высказывал.

Спустя минуту капитан нарушил молчание.

— Младший сержант Струкекин, отвечайте.

Младший сержант взял в руки мел.

— Кривизна траектории снаряда в заданной стрельбе может быть выражена следующим...

И он вывел на доске сложную формулу.

— Ответ правильный, — сказал офицер, — садитесь на место. А вы, младший сержант Аверин, определите величину подъемной силы снаряда в данной стрельбе...

Выписав на доске формулу, младший сержант повернулся кругом и четким шагом вернулся на место.

Я тоже повернулся кругом и выскользнул из класса. Мне было жаль ребят. Представляете, как густо они покраснели бы, если б преподаватель по ошибке вызвал к доске меня.

Вид из танка

По крутой деревянной лестнице я поднялся на вышку, где разместился пульт управления танкодромом. За покрытыми изморозью окнами раскинулась снежная равнина с холмами, рвами, искусственным бродом и «минным полем».

По равнине ползут средние танки. Перед вышкой «старт» и «финиш», как на легкоатлетических соревнованиях, — четыре беговые дорожки, с которых танки начинают свои упражнения и где они финишируют.

За окнами тридцать градусов мороза, а внутри вышки благодатное тепло. Командир танкового взвода руководит занятиями на танкодроме. Перед ним лежат четыре хронометра. Каждый отмечает время одного танка. Микрофон и динамик дают ему возможность беседовать с экипажем любого из танков, движущихся в поле.

Отрабатывается упражнение по вождению. Преодоление минного прохода, колейного моста, поворот на подъеме, спуск с крутой горки, переход через брод.

На старт выходят два танка. Похожие, как два родных брата. И водители в танковых комбинезонах — как два родных брата.

Получив задание, они собираются спуститься вниз, как вдруг мне приходит в голову отчаянная мысль:

«А нельзя ли и мне на минное поле? Страсть как хочется на крутую горку...»

— Вообще-то, может, и не положено, но как не уважить товарища писателя!

И вот я сижу в танке. На месте наводчика. Вокруг меня рукоятки, прицелы, несметное количество металлических выступов, специально созданных для того, чтобы непосвященный человек стучался о них при каждом повороте. Металл, от которого пышет тридцатиградусным морозом. Наконец вся эта гора мерзлого металла взревела и, дрогнув, тронулась в путь.

Я преодолевал минные поля, я переходил реку врод, водитель выжимал предельную скорость, чтоб уложиться в норму. Меня швыряло вверх, вниз, вправо, влево. Наконец мы примчались к финишу. Вылез я из люка, еле ворочая заledenевшим языком, белый от головокращения, синий от синяков.

— Как наше время? — с трудом удалось мне спросить у командира взвода. Он взглянул на хронометры.

— Молодцы, ребята, — сказал он. — Показали сверхотличное время.

Я стал делиться впечатлениями от боевого выезда. Я все время смотрел в прицел оружия. И я всю дорогу видел перед собой белое поле, на котором четко вырисовывались деления и цифры, как на мишени.

— И это все, что вы видели? — настороженно спросили танкисты.

— Все! — гордо отвечал я.

Тогда один из молодцов побежал вниз к своему танку. И потом, когда он снова поднялся на вышку, густо покраснел.

— Вы уж меня извините, — сказал он. — Но я забыл опустить ствол орудия, так что вы, товарищ писатель, как бы это сказать, чтобы было поточнее, ровно ничего не видели.

Я поглядел на него и не обиделся, я все понял: танкист-молодец забыл опустить орудие неспроста. Танкодром — штука военная. Не все можно здесь видеть невоенному человеку, даже если он писатель.

А из увиденного не все можно рассказывать. Поэтому здесь мне придется прервать свой рассказ о том, как я был моторизованным пехотинцем. Могу сказать лишь одно: современная пехота это вам не прежняя. Изучает математику и баллистику, передвигается на бронетранспортерах, стреляет из сверхметких орудий, водит сверхмощные танки, учится, веселится, и единственно, чего она не делает — не пылит. Теперь, оказывается, пехоте это не положено.

Как я научился читать по-польски

С тех пор, как я стал переводить с польского, знакомые относятся ко мне с повышенным интересом.

Некая дама потребовала, чтобы я открыл ей правду.

— Не возражайте, мне все известно! — таинственно сказала она. — Я слышала, что любовь — сильное чувство, но не предполагала, что до такой степени. Ах, боже мой! Влюбиться в прекрасную польку, которая не знает

ни слова по-русски, и, чтобы объясниться ей в любви, выучить весь польский язык! Это героизм!

Начальник отдела кадров перехватил меня в коридоре редакции.

— В анкете у тебя ничего не сказано о польском происхождении, — ласково сказал он, — зайди для уточнения.

Некий поэт заманил меня в бар Дома литераторов и, угостив коньяком, решительно заявил:

— Не будь гадом, дай телефон негра.

— Какого негра?

— Ну того поляка, который делает тебе подстрочные переводы.

В результате всех этих кривотолков я решил чистосердечно рассказать о том, как я научился читать по-польски.

На самом деле все происходило так: несколько лет назад в Варшаве я познакомился в отеле с одним польским инженером. Две недели мы бойко беседовали с ним при помощи отдельных немецких и французских фраз, завалявшихся у нас в памяти со школьных времен. Поскольку каждый из нас понимал далеко не все из того, что говорил собеседник, мы остались самого лучшего мнения друг о друге и, расставаясь, обменялись адресами.

Я возвратился в Москву и через некоторое время получил письмо из Польши. Написано оно было по-польски. Я оказался в сложной ситуации. Надо отвечать, иначе инженер подумает обо мне бог знает что. Однако чтобы ответить, нужно знать содержимое письма.

Приятель, которому я рассказал о своем

затруднении, снисходительно хлопнул меня по плечу.

— Есть из-за чего расстраиваться! Польский язык очень легкий, в нем, собственно, и понимать нечего. Дай сюда письмо, я тебе переведу...

Видимо, за время нашей разлуки мой польский знакомый успел переменить профессию, ибо он сообщал в письме, что занимается доением коз в окрестностях горы Гевонт. Далее он уведомлял, что его жена недавно осталась вдовой, но что он лично не присутствовал на своих похоронах, так как находился в командировке. Письмо заканчивалось сообщением о состоянии жены. Она чувствует себя хорошо, но, к сожалению, не дает моему приятелю спокойно работать, так как ночи напролет кричит: «Уа! Уа!»

Все это меня очень огорчило. Сколько несчастий свалилось на этого симпатичного человека! На всякий случай я решил дать прочитать письмо еще кому-нибудь.

В редакции нашелся товарищ, который неплохо читал по-польски. Он взял в руки письмо и начал корчиться от смеха.

— Мировой мужик! — воскликнул он, хлопнув себя по бокам. — Великолепный юморист! Представляешь себе: дома у него живет старый козел по имени Гевонт. Как-то из хлева донеслись странные крики: «Уа! Уа!»... И что ты думаешь?! Оказалось, что Гевонт вовсе не был козлом. Он был обыкновенной козой. Об этом свидетельствовала крохотная козочка, только что появившаяся на свет... Какой неожиданный поворот сюжета, а? Дай мне эту штучку, мы

ее напечатаем. Читатели полопаются от смеха.

Мне показалось, что в первом переводе история козы выглядела иначе. Я решил это проверить. Мой сосед, поляк по происхождению, уже сорок лет безвыездно проживающий в Москве, охотно согласился перевести письмо. Вот что, оказывается, было в нем написано:

«Дорогой друг! Ура! Ура! Я защитил докторскую диссертацию на тему о том, как в сигаретах «Гевонт» никотин заменять казеином. В результате меня перевели из яслей в детский садик. Здесь мне очень хорошо, и я целый день кричу: «Уа! Уа!»

Я понял, что еще минута — и я сам начну кричать «Уа! Уа!», после чего меня заберут в детские ясли, где я смогу наконец защитить докторскую диссертацию.

Избежать этого можно было одним путем: надо было изучить польский язык и самому прочитать злополучное письмо.

Я так и сделал!

Через некоторое время письмо из Польши перестало быть для меня загадкой.

Вот что я прочитал в нем:

«Дорогой друг! Пользуюсь оказией, приятель летит в Москву в командировку, и посылаю тебе маленькую посылку.

Немедленно зайди в гостиницу «Урал», спроси Яся Садовского, он передаст тебе свежие фляки, которые ты с таким аппетитом уплетал в ресторане «Гевонт»...»

Ах, варшавские фляки! Только в Польше умеют готовить это острое, ароматное блюдо из обыкновенного говяжьего рубца...

К сожалению, на этот раз мне не удалось их отведать. Пока я изучал польский язык, вы представляете себе, во что они превратились!..

Как я не стал киноманом

Меломан — страстный любитель музыки.
Энциклопедический словарь

Я люблю кино. Но не настолько, чтобы сидеть одновременно на четырех стульях. И все же я научился этому недавно в Москве. Я сидел одновременно в четырех креслах — одно в кино «Россия», второе в кино «Космос», третье в кино «Ударник», четвертое — в кино «Прогресс». И все это из-за моих племянниц.

У меня две племянницы, очаровательные девочки, одной четырнадцать, второй пятнадцать лет. Перед каникулами они принесли из школы отличные отметки.

— Чем вас премировать, девочки, — расстроганно спросил я.

— Билетами на кинофестиваль, — ответили они не задумываясь.

Для удобства публики билеты продавались сброшюрованными в книжечки. Назывались они абонементы. Приобретя абонемент, вы как бы прописывались в кинотеатре на весь фестиваль. У вас было свое постоянное место, свои постоянные соседи. Правда, удобно! Я купил абонементы в два кинотеатра. Чтобы мои племянницы могли ознакомиться с возможно большим количеством конкурсных фильмов. К сожалению, выяснилось, что именно конкурсные фильмы в этих кино будут ид-

ти в наименьшем количестве. В основном здесь пойдут внеконкурсные фильмы.

— Вам очень повезло, — объяснил мне знакомый зубной врач, большой дока по части киноискусства, не пропускавший ни одного закрытого просмотра в Доме кино, — конкурсные фильмы существуют для того, чтобы режиссеры получали премии, а внеконкурсные для того, чтобы зрители получали удовольствие. Советую вам достать абонементы по крайней мере еще в два кино, а то ваши девочки половины картин не увидят.

Я мобилизовал силы и знакомства, которых хватило бы на получение трехкомнатной квартиры в доме первой категории, интуристовской путевки в Никарагуа и очереди на внеочередное приобретение новой модели «Волги». В результате мои племянницы получили еще два абонемента в два другие театра.

Наступил долгожданный день. Я лично отвез племянниц на первый конкурсный просмотр. Над входной дверью кино нас встретил лаконичный плакат:

«На просмотры фестивальных фильмов детям до 16 лет вход воспрещен».

Племянницы, не растерявшись, стали быстро распускать волосы, чтобы они казались длиннее, подобрали юбки, чтобы они казались короче, в общем придали себе вид совершенно взрослых женщин. Но я не пошел на компромисс. Если нельзя, то нельзя. Я отвез девочек во Дворец пионеров, на фестиваль детских фильмов, куда, по проверенным данным, дети до шестнадцати лет допускались, а сам остался с четырьмя абонементом на руках.

В газетах сообщалось, что в этом году Международный фестиваль в Москве будет включать в себя три самостоятельных фестиваля: конкурс полнометражных художественных фильмов, детский и фестиваль короткометражных художественных и документальных картин. Но в последний момент объявился четвертый: фестиваль внеконкурсных фильмов. И он оказался самым массовым. Восемь крупнейших кинотеатров, все Дома творческой интеллигенции, большинство Дворцов культуры и клубов наперебой в три смены крутили у себя внеконкурсные картины. Теперь, когда фестиваль кончился, я пытаюсь привести в порядок мысли. Таким образом мне представилась возможность увидеть до какой бездны падения докатилось киноискусство современного капиталистического мира.

Увы, даже взяв двухнедельный отпуск за свой счет, даже используя все жанры современного городского транспорта, от реалистического подземного до фантастического таксомоторного, нормальный человек не сумел бы освоить всю эту бездну. Нормальный человек, но не киноман. Киноман — это вид привидения, способного появляться одновременно в нескольких кинотеатрах. И сверх этого часами простаивать у подъездов гостиницы «Россия», пожимая руки полуживым от внимания кинозвездам. Среди киноманов преобладают женщины (киноманки). Мини-юбки, укороченные до макси-возможностей, длинные волосы, цветные очки, как глаза у совы, кондукторские сумки на плечах, белые рифленые чулки до колен и туфли мопсы с кирпичами, вместо каблуков. Изредка встречаются среди

киноманов и мужчины (усы, бороды, бачки, брюки джинсы с маркой южноамериканской фруктовой компании на заднем кармане). Киноманы и киноманки знают что «надо смотреть» и что «не надо».

— И тут герой сбрасывает камзол и остается в одной повязке из махрового полотенца. И он с героиней ложится в постель.

— Нет, в постель они ложатся, когда он сбрасывает полосатый костюм.

— Постойте, вы же говорите о разных фильмах. Камзол он сбрасывает в одном, а полосатый костюм совершенно в другом.

— А что он сбрасывает в третьем?

— Вы с ума сошли! В третьем сбрасывают с себя все, что на них есть, все трое.

— А в четвертом?

— А в четвертом им нечего сбрасывать. На них и так ничего не надето.

— Не говорите глупостей! В каждом фильме кто-нибудь что-нибудь с себя сбрасывает. Теперь это обязательный стандарт западного кино.

Убедившись в этом на опыте, я понял, что киноманом мне, видимо, не стать. Для этого у меня не хватает данных: ни усов, ни бороды, ни бачков, ни брюк джинсов, ни даже самой примитивной мини-юбки. Тогда я отдал все четыре абонеента на внеконкурсные фильмы в обмен на один абонемент на конкурсные. И здесь я увидел, как многообразна настоящая современная кинематография мира. Мне не удалось стать киноманом. Но, слава богу, я остался нормальным кинозрителем и по-прежнему радуюсь каждому явлению искусства.

Цепная реакция

Невыполнимое задание

Так уж повелось у нас в организации, что, приходя утром на работу, второй заместитель сразу же вызывал к себе своего первого помощника Сергея Сергеича.

Спустя полчаса Сергей Сергеич выходил из кабинета начальника с блокнотом, полным поручений и заданий, и приступал к работе, а второй заместитель приступал к телефонным разговорам.

На этот раз все было не так. Правда, Сергея Сергеича ровно в девять вызвали в кабинет начальника, но второй заместитель вместо того, чтобы начать беседу словами: «Стало быть, записывайте», — посмотрел на помощника заискивающе и придвинул ему стул.

Сергей Сергеич вздохнул и присел. Вздохнул он потому, что давно знал: за такой любезностью обычно следовало невыполнимое задание.

— Я имею для вас небольшое поручение, — начал второй заместитель. — Как вы знаете, мы шефствуем над Гороховским районом. Прямо надо сказать, шефство подзапущено. А тут конец года на носу, отчитываться придется... Вчера как раз звонили из района, у них тоже катастрофа.

Сергей Сергеич понимающе кивнул головой.

— Все бы ничего, да одна запланированная лекция срывается, — продолжал второй заместитель. — На тему «Есть ли бог на земле?». В данном районе преобладают женщины, основная масса — пожилые. Когда речь касается бога... вполне возможна обструкция...

Второй заместитель замялся и неуверенно поглядел на Сергея Сергеича. Тот невозмутимо ждал продолжения.

— Вы у нас на все руки мастер, — подобострастно сказал второй заместитель. — Поезжайте к подшефным, проведите там массовое мероприятие на эту тему, ну, вечер вопросов и ответов, что ли, в связи с наступающим рождеством. Только будьте осторожны!

Сергей Сергеич кивнул и записал в блокнот: «Гороховский район. Есть ли бог? Женщины. Обструкция...»

В субботу клуб Гороховского райцентра был набит до отказа. В зрительном зале пестрели головные платки, стоял бабий гомон.

За кулисами завклубом виновато говорил Сергею Сергеичу:

— Вы уж нас извините, конечно! У нас в районе старух больно много. Профиль у нас птице-молочный: молоко, сметана, яички. Климат здоровый. Вот и живут старухи до ста лет. Никак мы этой лекции провести не можем. Не дают старухи лектору рта раскрыть. Приезжал один, настырный, так его, поверите, бракованными яичками от усов до штиблет закидали. Но вы не беспокойтесь. Если что, я сразу занавес дам. Комсомольский патруль двину.

— Ничего, — сказал Сергей Сергеич, — обойдемся без комсомольского патруля.

Он вышел на авансцену, улыбаясь, оглядел зрителей и сказал:

— Гражданочки, у нас на повестке сегодня один вопрос: есть ли бог на земле?

Зал настороженно притих.

— На этот вопрос я могу дать только один ответ: бога на земле нет!

В зале будто бомба взорвалась. Женщины повскакали с мест, кричали...

Сергей Сергеич стоял на сцене, добродушно улыбаясь. Когда шум начал стихать, он сказал твердым голосом:

— Да, уважаемые гражданки, бога на земле нет, потому что он есть на небе.

В зале воцарилась зловещая тишина.

— Именно на небе, — подтвердил Сергей Сергеич. — Об этом ясно говорится как в Новом завете, так и в Ветхом. Правда, ни тот, ни другой не указывают точного адреса бога, что весьма затрудняет наше общение с ним. Небо, как известно, имеет площадь в сотни миллионов раз большую, чем Земля, а мы с вами не знаем ни номера почтового отделения, ни улицы, ни даже дома, в котором находится божеская квартира. Чего же тут удивляться, если жалобы, адресуемые нами господу богу, остаются без ответа! На земле иной раз и улицу, и подъезд, и квартиру на конверте укажешь, и даже почтовый индекс — и то почта ухитряется заслать письмо неизвестно куда. Как же мы можем требовать, чтобы до бога доходили наши послания. А может быть, небесное министерство связи тоже установило почтовые ящики в подъездах. И неизвестные ангелы воруют письма вместе с газетами.

В зале слышались смешки.

С места поднялась дородная женщина.

— Ты чего нас путаешь! — зычно крикнула она. — Ты можешь прямо ответить: есть бог или нет?

— Могу! — сказал Сергей Сергеич. — Поскольку никто не в состоянии доказать, что бога нет, скорее всего он имеется.

В зале опять зашумели. Кто-то кому-то что-то доказывал, кто-то с кем-то о чем-то спорил. Сергей Сергеич, ухмыляясь, прохаживался по сцене. Когда спорщики утомились, он обратился к залу:

— Уважаемые гражданки! Может, лучше будем высказываться по порядку? Кто хочет слова?

Вверх взмыли десятки рук. На сцену выползла старая бабка в капроновом платке. Отдышавшись, она сурово поглядела в зал и сказала:

— Чтой-то нас гражданин лектор путает. Как это так: бог есть, а адреса у его нету! Каждое создание должно где-то находиться. А ежели оно нигде не находится, значит, что его нет.

— Правильно! — закричали в зале.

— И зачем только к нам присылают таких лекторов, которые тянут нас обратно, к старому прошлому! — продолжала бабка. — Не для того наши внуки в университетах учатся, не для того мы в телевизоры футбол из зарубежных городов смотрим! Ежели б бог имелся, мы бы его обязательно раз-другой в телевизор поймали. Когда космонавт Леонов единолично по небу плавал, его очень даже ясно видно было. А почему бога не видно? А?

Одна за другой на сцену стали подниматься женщины и на разные лады стыдили Сергея Сергеича за то, что он пытался их обмануть, доказывая, что бог есть. Когда страсти так разгорелись, что дело грозило дойти до бракованных яичек, завклубом поспешно дал занавес...

Через несколько дней в нашу организацию пришло благодарственное письмо из подшефного района. В нем сообщалось, что антирелигиозная лекция прошла на высоком уровне. Все старухи района единогласно постановили, что бога ни на земле, ни на небе нет.

— Как вам удалось втолковать это старухам? — с восхищением спросил второй заместитель у Сергея Сергеича.

— А я им этого не втолковывал. Напротив, я утверждал, что бог существует, это они мне весь вечер доказывали, что я ошибаюсь.

Второй заместитель развел руками.

— Но как вам удалось так изучить женскую натуру?

— Очень просто, — сказал Сергей Сергеич, — я двадцать три года женат.

Мода Н-ского года

Второй заместитель умиленно посмотрел на своего первого помощника.

— Дорогой Сергей Сергеич, — сказал он, — вам предстоит решить нелегкую задачу. Но именно потому, что она нелегкая, мы ее поручаем вам. Легкую мы как-нибудь и сами решим. На фабрике «Женская мода» из

рук вон плохо с реализацией готовой продукции. Поезжайте туда, поговорите с народом, примите меры. Эта «Женская мода» портит нам картину. Из-за нее бухгалтерия не может свести дебет с кредитом.

Предупрежденный неизвестным доброжелателем, директор фабрики созвал экстренное совещание руководителей всех цехов.

Сергей Сергеич тихонько вошел в директорский кабинет, стараясь делать вид, что он здесь не присутствует, а директор продолжал речь, делая вид, что он Сергея Сергеича не видит.

— Сегодня я прогулялся по цехам нашего предприятия, — с нотками возмущения говорил директор, поглядывая в наклонное стенное зеркало, где во весь рост отражалась фигура первого помощника. — И что же я там обнаружил? Никакой взволнованности. Полная самоуспокоенность общественных организаций. И это в то время, когда склады нашей фабрики буквально ломаются от модной продукции, которую мы не можем реализовать вот уж какой год.

— Потребитель стал много из себя понимать! — выкрикнул с места мастер цеха закроя легкого женского платья. — От крепдешина нос воротит. Воланы ему не к лицу! Наши бабки в таких воланах, может, призы на конкурсах красоты завоевывали, а ему не к лицу! Морально-воспитательную работу надо проводить среди потребителя, вот что!

— Правильно! — зашумели со всех сторон. — Мы не должны идти на поводу! Мы наши модели не тяп-ляп делали!

Директор с трудом восстановил порядок и потребовал выступать по существу. Когда же он снова заглянул в стенное зеркало, отражения Сергея Сергеича там уже не оказалось.

Сергей Сергеич незаметно выскользнул из директорского кабинета. Обойдя фабричные цеха, он посетил плановый и производственный отделы и закончил свой обход в складе готовой продукции. Там его и настиг директор фабрики. Сергей Сергеич рассматривал цветное крепдешинное платье с высокой талией и шикарными буфами на плечах. Он держал его двумя пальцами, как нашкодившего котенка, и мечтательно покачивал головой.

— Вот эти образцы запакуйте и пришлите нам, — сказал Сергей Сергеич и удалился, оставив директора в неизвестности, ждать ли ему строгого выговора или перевода на руководящую работу в центр.

Лучшие образцы всех моделей фабрики были направлены в управление, и на этом вроде бы все закончилось. «Женская мода» по-прежнему заполняла продукцией собственные склады, торговые предприятия по-прежнему от этой продукции отворачивались. Второй заместитель начал уже косо поглядывать на своего первого помощника, а тот продолжал исполнять служебные обязанности как ни в чем не бывало.

И только на днях в местной газете появилось сообщение, всполошившее весь город. Оказывается, на Международном конкурсе мод на острове Святой Елены платья нашей городской «Женской моды» получили специальный приз «за перспективность и взгляд в

будущее». А одна западная торговая фирма поспешила закупить всю готовую продукцию фабрики.

Когда в складах «Женской моды» образовалась давно желанная пустота, второй заместитель премировал Сергея Сергеича.

Лично вручая ему путевку в Сочи, он попросил своего первого помощника поделиться опытом.

— Как вы пришли к мысли, что и лежащий товар может быть предметом экспорта? — спросил он.

— Это не моя идея, — с присущей ему скромностью ответил Сергей Сергеич. — Я лишь использовал опыт некоторых зарубежных фирм, торгующих с нами.

— А чем вы руководствовались, отправляя на конкурс изделия именно «Женской моды»?

— Ознакомившись с историей фабрики, я выяснил, что была она открыта тридцать лет назад. Уже тогда фабрика стала выпускать модную продукцию и с тех пор в фасонах своих платьев ничего не изменила.

— Мать моя родная! — в ужасе воскликнул второй заместитель. — Значит, эти фасоны тридцатилетней давности!

— Вот именно.

— Как же вы рискнули отправить их на международный конкурс?

— Так ведь женская мода имеет тенденцию возвращаться именно каждые тридцать лет.

— Bravo! Bravo! — не удержался от восторга второй заместитель. — Ну, а как мы поступим с директором «Женской моды»?

— Освободим его от работы.

— Что?! — воскликнул второй заместитель. — Вы хотите снять с работы человека, чью продукцию реализовали на международном рынке?

— Да, — вздохнул Сергей Сергеич. — Вряд ли имеет смысл ожидать этого еще тридцать лет.

Самый точный

Найдутся, должно быть, товарищи, которые посчитают, что я слишком большое внимание уделяю жизни и деятельности Сергея Сергеича в масштабе нашего учреждения и всего города в целом. Не преувеличиваю ли я достоинства первого помощника, который таким образом может зазнаться и испортиться? Этих товарищей я хочу заверить, что Сергей Сергеич не зазнается, — я его хорошо знаю, — ибо ничего особенного в своих действиях он не видит, считает себя самым рядовым членом нашего общества, и если вы его спросите, почему он поступил так, а не иначе, он вам ответит:

— Может быть, можно было поступить иначе, но мне показалось, что так будет лучше для дела.

Надо думать, что именно это постоянное стремление сделать так, чтобы было лучше для дела, и выдвинуло Сергея Сергеича в ряды незаменимых работников нашего города.

Вот недавно Сергей Сергеич получил ответственное задание.

— Ознакомьтесь с этим документом, — сказал второй заместитель, протягивая ему бумагу.

Сергей Сергеич прочитал. В бумаге было сказано, что 7 октября сего года в наш город был выслан из Прокопьевска срочный авиагруз.

— Какое у нас сегодня число? — строго спросил второй заместитель.

— Третье ноября.

— Итого мы имеем три недели со дня отправки. А сколько, по-вашему, летных часов от Прокопьевска к нам?

— Если учесть, что прямое авиасообщение между данными двумя точками еще не налажено, я думаю, часов десять.

— Что такое гражданская авиация? — еще строже спросил второй заместитель.

— Самый точный из всех видов транспорта, — дословно процитировал Сергей Сергеич рекламный стенд, что стоит у нас на главной улице.

— В том-то и дело, — согласился второй заместитель, — сколько раз я летал по маршрутам гражданской авиации, и еще ни разу не случалось, чтобы я не прибывал к месту назначения. Следовательно, с нашим грузом что-то произошло. А в нем два электродвигателя, каковые нам крайне нужны для выполнения государственного плана. Двигатели исчезли. Телеграфные запросы остались без ответа. Мы решили бросить на розыски вас. Берите командировку и летите. Ни пуха ни пера, на вас смотрит вся промышленность города.

Сергей Сергеич взял командировку, под-

отчетные, портфель, пару теплого белья, чмокнул в лоб жену и улетел.

На следующий день от него была получена телеграмма из Новосибирска:

«20 октября наш груз отправлен аэропорт Толмачево. Вылетаю следом».

Через два дня от Сергея Сергеича была получена телеграмма из Толмачево:

«29 октября наш груз вылетел Свердловск. Вылетаю следом».

Еще через три дня от Сергея Сергеича была получена телеграмма из Свердловска:

«Свердловский аэропорт поступление груза не отрицает. Дальнейшее продвижение неясно. Выяснении вылечу следом...» Спустя два дня томительного ожидания мы получили еще одну депешу: «Двигатели ошибке засланы Сочи. Вылетаю следом».

Больше от Сергея Сергеича телеграмм не поступало. Где он, бедный, мотался в поисках срочного груза мы не знали. Телеграфные запросы оставались без ответа. Мы забеспокоились. Уже не столько об исчезнувших электродвигателях, сколько о пропавшем Сергее Сергеиче. Подошли Октябрьские праздники, все мы имели праздничные планы — кто собирался на рыбалку, кто — по грибы, кто к теще в деревню, один Сергей Сергеич плавал где-то в воздушном океане, и не с кем ему было там рюмочку пропустить по поводу заслуженного отдыха. А ведь он как-никак живой человек, наш товарищ по работе. Мы бы послали кого-нибудь на розыски, да ведь не знаем, куда посылать? Во Владимир или во Владивосток, во Львов или в Адлер? Воздушные пути теперь гигантски разрослись.

Разыскать что-либо затерявшееся на этих путях, штука не простая. У нас в городе это под силу только Сергею Сергеичу. Так ведь, чтобы дать ему это задание, надо сперва найти его самого.

Мы просто даже не знали, что нам предпринять, как вдруг вчера, перед концом рабочего дня, рассыльный принес телеграмму.

Сергей Сергеич был, как всегда, предельно лаконичен. Слов, оплачиваемых за счет учреждения, он на ветер не бросал. Вот какую мы получили телеграмму:

«Двигатели порядке встречайте седьмого вылетаю».

Так как в телеграмме не было ни одного знака препинания, мы несколько запутались: встречать Сергея Сергеича седьмого, или он седьмого вылетает? Контора Аэрофлота прийти нам на помощь не могла. Прямого авиасообщения с Сочи у нас не имеется. Контора стала в тупик. Все зависело от того, «через что полетит пассажир». Если через Донецк, он мог прибыть седьмого, если через Одессу — не раньше восьмого, а вдруг пассажир достанет билет только через Хабаровск, тогда он, возможно, прибудет девятого, а возможно, десятого, в зависимости от погоды на трассе, согласованности пересадок и плотности пассажирских потоков.

Как вы сами понимаете, при этих условиях мы не сумели обеспечить Сергею Сергеичу подобающей встречи в аэропорту.

На праздники каждый занялся своими делами, а когда мы пришли девятого на работу, Сергей Сергеич уже сидел за своим столом и шелестел бумагами.

— Ну, как? Встретили? — спросил он.

Мы не могли представить себе, что Сергей Сергеич так близко примет к сердцу тот факт, что мы не явились в аэропорт, хотя, если говорить откровенно, торжественной встречи первому помощнику второго заместителя по номенклатуре не полагалось.

Наш управделами чуть было этого не выпалил — и таким образом мог незаслуженно обидеть товарища, ибо, как выяснилось, мы неправильно прочитали телеграмму. Читать телеграмму надо было так: «Двигатели порядке запятая встречайте седьмого точка Вылетаю». Встречать, оказывается, надо было не Сергея Сергеича, а двигатели, и в точно назначенный день — седьмого и с определенной целью, чтобы груз по недоразумению не переотправили на мыс Доброй Надежды. Ведь, не в пример пассажиру, груз не может протестовать, если его втиснут не в тот самолет.

Узнав, что мы не встретили наш срочный груз, Сергей Сергеич немедленно отправился в аэропорт. Самые черные предчувствия обуревали его, но все окончилось благополучно. Наш груз опоздал с прибытием. Ровно на два дня. И прибыл не седьмого, а девятого. И был встречен Сергеем Сергеичем и доставлен на служебной грузовой машине прямо к месту назначения.

Попробуйте после этого сказать, что я переоцениваю нашего первого помощника. Не знаю, как насчет воздушного транспорта, но о Сергее Сергеиче мы можем смело сказать, что он уж действительно — самый точный.

Цепная реакция

Анна Степановна плохо разбиралась в достижениях современной науки. Детство и отрочество не дали ей надлежащей подготовки к восприятию сложных научных основ, поэтому она путала нейтроны с нейлоном и в простоте душевной была уверена, что цикламен и циклотрон — это одно и то же.

Однако считая себя женщиной высшего круга, она жадно рвалась к изысканной терминологии. На этой почве у нее возникали постоянные затруднения. В отеле она требовала «фешемобельную комнату», в кругу подруг хвалилась, что завод, подчиненный организации, где работает ее муж, производит станки с точностью до одного «микроба», а когда однажды врач порекомендовал ей принимать чехословацкое лекарство «ацидоген», Анна Степановна купила в аптекарском киоске ацетон и только благодаря бдительности Сергея Сергеича осталась на этом свете.

Сергей Сергеич не всегда поспевал прийти на выручку своей супруге, хотя и посвящал этому все время, остававшееся от выполнения служебных обязанностей.

Однажды, убирая со стола посуду, Анна Степановна спросила у мужа:

— Сереженька, это что за штука, цепная реакция? Сегодня с утра о ней говорили по радио, а я что-то не возьму в толк.

Сергей Сергеич вздрогнул, как человек, почувший неожиданную опасность. По многолетнему опыту он знал: если жена о чем-нибудь спрашивает, надо немедленно дать ей

исчерпывающее разъяснение, в противном случае она внесет в вопрос свое толкование, а потом отправится втолковывать это всем соседкам по дому.

— Что это ты, Аннушка, такими вопросами интересуешься? — торопливо спросил он.

— Ну как же! Говорят, что эта реакция будто в коровьем молоке задерживается. Стало быть, что-то по хозяйственной части. Должна же я знать!

— Цепная реакция, — начал Сергей Сергеич, — это свойство нейтронов, выделяемых при распаде атома, в свою очередь, выделять новые нейтроны, которые также вызывают деление новых ядер.

Анна Степановна старательно слушала. По злорадному выражению ее лица можно было догадаться, что она завтра же победоносно бабахнет вновь приобретенным нейтроновым зарядом по всем подружкам и соседкам.

— Ты погоди, не спеши! — попросил Сергей Сергеич. — Ты сперва постарайся понять. Одни нейтроны вызывают появление других нейтронов, как по цепочке. Понятно?

— Нет, — решительно сказала Анна Степановна.

Сергей Сергеич в отчаянии огляделся по сторонам, словно надеясь найти на книжных полках или на письменном столе популярное руководство, как объяснять особам слабого пола тайны ядерной физики.

Не было такого руководства. Сергей Сергеич, незаменимый первый помощник второго заместителя, столько раз выручавший из труднейших положений наше учреждение, на-

прасно шарил глазами. На книжных полках стояли только полные собрания сочинений разных классиков, а на письменном столе лежал лист бумаги, на котором цыплячьим почерком жены были нацарапаны какие-то фамилии. Сергей Сергеич от отчаяния заглянул в эту бумагу, и лицо его расплылось в счастливой улыбке.

— Сергей Сергеич, примите меры! — сказал он себе тоном второго заместителя и обернулся к супруге. — Позже я тебе, Аннушка, все объясню, а пока давай займемся делом. Я вижу, ты уже набросала проект. Давай покумекаем вместе. Сколько гостей мы можем поместить за столом, чтобы люди не тыкали вилками в тарелки соседей?

— Шестнадцать.

— Цифра вполне подходящая. Кого же ты собираешься позвать на именины?

— Катеньку с мужем в первую очередь, — моментально включилась Анна Степановна.

«Быстровы — 2 чел.», — записал Сергей Сергеич и задумался.

— Позвать Быстровых и не позвать Агаджановых — скандала не оберешься. Они друг без друга никуда не ходят.

— Еще бы! Весь город знает, что у Быстрова с женой Агаджанова...

— Аннушка! — укоризненно остановил жену Сергей Сергеич.

— Уж и правду нельзя сказать! Будь я на месте Катеньки...

— Ну ладно, ладно... может быть, все же обойдемся без Катеньки?

— Без Катеньки я не согласна.

— Тогда придется звать и Агаджановых.—

Сергей Сергеич записал: «Агаджановы — 2 чел.»... Почесал лысеющее темя и добавил: — Тогда надо звать и Кропоткиных. Иначе наживешь врагов на всю жизнь.

— Кропоткиных — через мой труп! — воскликнула Анна Степановна.

— Агаджанов и Кропоткин занимают одинаковые должности в двух управлениях, — запротестовал Сергей Сергеич. — Пригласить одного и не пригласить другого — это скандал почти государственного масштаба. Есть один выход: не покупать в этот день лососины.

И Сергей Сергеич записал: «Кропоткины — 2 чел.».

— Тогда уж пиши Бердянских с Каракульчаком, — вздохнула Анна Степановна. — Где Кропоткины, там и Бердянские, а где Бердянские, там и Каракульчак. С тех пор, как от этого Каракульчака ушла жена, Бердянские всюду таскают его за собой, чтобы он не запил с горя, и вместе напиваются на радостях, что удалось отвлечь его от выпивки.

Сергей Сергеич записал: «Бердянские — Каракульчак — 3 чел.».

— Четыре, — поправила Анна Степановна. — Где Каракульчак, там нельзя без Лидии Викторовны. Она почти его невеста.

— Ты с ума сошла! — вскричал Сергей Сергеич. — Лидия Викторовна — родная сестра Караваева из управления. Хорош я буду, когда на следующее утро он меня спросит: «Ну, как вчера праздновали?» Он это воспримет как подкоп под его авторитет.

— Тогда придется позвать и Караваева, — рассудила Анна Степановна.

Сергей Сергеич записал: «Караваяевы — 2 чел.», — на миг задумался и быстро добавил: «Сергиенко — 2 чел.».

— Это еще что за Сергиенко? — рассердилась жена.

— Начальник управления. Караваяев — его заместитель. Как же можно заместителя звать, а начальника — нет?

— Подсчитай, что у нас получилось?

Сергей Сергеич подбил итог.

— Все! — воскликнул он. — Лимит исчерпан. Вместе с нами ровно шестнадцать человек.

Анна Степановна всплеснула руками.

— Шестнадцать человек! А мы еще никого не позвали!

Супруги склонились над списком.

— Никого не выбросишь, — безнадежно произнесла Анна Степановна, — один за другого цепляется. — И вдруг добавила: — Настоящая цепная реакция

— Что? Что? — переспросил Сергей Сергеич.

— Цепная реакция. Точь-в-точь как ты объяснил: одни нейлоны тянут за собой другие, те, в свою очередь, третьи...

Лицо Сергея Сергеича просветлело. Принятые им меры оказались действенными. Даже в домашней обстановке.

— К черту цепную реакцию! — весело воскликнул он. — От нее только загрязнение атмосферы!

И, разорвав намеченный список, Сергей Сергеич стал составлять новый, основанный на принципе бескорыстной дружбы.

Недавно второй заместитель вызвал к себе своего первого помощника.

— Вот что, Сергей Сергеич, — сказал он торжественно, — у нас тут возникла необходимость уладить кое-какие вопросы в центре. Мы посоветовались с народом и решили командировать вас в Москву. К сожалению, в данном квартале ассигнований по статье «командировки» осталось всего на пять дней. Но я вам помогу. Запишите прямой телефон начальника управления. Так сказать, в обход секретарей. 294-38-39. С таким телефоном да с вашим авторитетом... — Второй заместитель мечтательно вздохнул: — Четверо суток в Москве! Это же девяносто шесть часов чистого времени!..

На следующее утро Сергей Сергеич погрузился в рейсовый самолет и отбыл по назначению.

О дальнейшем лучше меня расскажут записи в личном дневнике Сергея Сергеича, которые я публикую с его разрешения.

Вторник, 4.

12 ч. 15 м. Слухи о перегруженности московских гостиниц не оправдались. Получил комнату с телефоном и видом на «Гастроном». Администратор сказал, что я родился в рубашке: сегодня из гостиницы выехали участники трех симпозиумов.

13 ч. 30 м. Побрился, постригся, приступаю к исполнению служебных обязанностей.

15 ч. 30 м. Два часа набираю нужный номер телефона. Продолжительные гудки. Никто не отвечает.

16 ч. 15 м. Спасибо дежурной по этажу! Объяснила, что надо позвонить в бюро ремонта. Бывает, что номер испорчен.

18 ч. 15 м. Набрал номер бюро ремонта 120 раз. Продолжительные гудки. Никто не отвечает.

18 ч. 30 м. Спасибо дежурной по этажу! Объяснила, что у бюро ремонта большая перегрузка. Начну завтра с утра, со свежими силами.

Среда, 5.

18 ч. 30 м. Дозвонился в бюро ремонта. В глазах телефонные диски. Узнал, что телефоны, начинающиеся цифрами 294, со вчерашнего дня начинаются цифрами 271. Какая приятная новость! Завтра с утра смогу позвонить начальнику...

Четверг, 6.

11 ч. 15 м. Двести сорок раз набрал нужный номер. Никто не отвечает. Дозвонился в бюро ремонта. Оказывается, переменились не только первые цифры, а решительно все. Был номер 294-38-39. Стал номер 271-65-47.

18 ч. 15 м. Набрал номер тысяча четыреста двадцать шесть раз. Скорость набора выросла, результат тот же. Дозвонился в бюро ремонта. Объяснили, что новый номер не отвечает, потому что еще не включен, а старый номер не отвечает, потому что уже отключен.

Пятница, 7.

9 ч. 30 м. Последний день командировки. Медлить нельзя! Дежурная по этажу говорит, что на меня больно смотреть. Отложила свои дела, выяснила домашний телефон началь-

ника. О, женское сердце! Преподнес шоколадный набор.

13 ч. 30 м. Дозвонился в бюро ремонта. Оказывается, домашний телефон начальника тоже сегодня переключили. Был номер 134-90-12. Стал номер 135-69-74.

15 ч. 04 м. Уррра! Ответила бабушка начальника. Дала новый адрес Управления. Объяснила, как попасть на прием к внуку. Надо сказать секретарше: «Привет от Агнии Никитишны».

16.00. Сажу в приемной начальника. Секретарша говорит по телефону.

16.15. Сажу в приемн. нач. Секр. говор. по телеф.

16.30. С. в пр. н. Секр. г. по т.

16.48. Секретарша положила трубку. Спросила: «Что вам, товарищ?». Я сказал: «Привет от Агнии Никитишны». Секретарша приветливо улыбнулась: «Чем могу быть полезна?» Я сказал: «Мне нужно видеть начальника». Секретарша почему-то взглянула на календарь и на часы. «Начальника? — удивленно переспросила она. — В пятницу? В четыре часа дня?!»

На этом месте дневник Сергея Сергеевича прерывается. Чуть ниже, на той же странице, подклеена выписка из выступления второго заместителя на общем собрании. Вот что он сказал:

— Товарищи! Мы очень ошиблись в Сергее Сергеевиче. Мы создали ему все условия, а он нас подвел. Авторитет у него оказался дутый...

Закон инерции

Едва Калягин переступил порог дома, как услышал раздраженный голос жены:

— Очень хорошо, что ты пришел! Может быть, ты скажешь, куда девал прищепки для белья? Только неделю назад я положила их в этот ящик. Никто к нам не приходил. Где мои прищепки?

Что можно было на это ответить? Калягин молча потоптался по квартире, но когда понял, что обеда не будет, пока не найдется пропажа, спустился этажом ниже, одолжил у соседки прищепки и вручил их жене.

— Так бы сразу и сказал, что ссудил их Вере Сергеевне, — миролюбиво сказала жена и налила мужу полную тарелку ароматного борща.

Прошло дней семь, и, возвратившись с завода, Калягин вместо обычного «здравствуй», услышал из кухни:

— Это ты? Может быть, ты скажешь, куда ты девал формочки для кексов. Никто посторонний в кухню не заходил. Где мое оборудование!

Что он мог ответить? Он молча рассовал по карманам соседкины прищепки, с благодарностью возвратил их по принадлежности и взамен одолжил формочки для кексов.

— Ах, ты и это давал Вере Сергеевне! — с некоторой подозрительностью заметила жена. — Что у нее совсем ничего нет в хозяйстве?..

Спустя три дня, только Калягин вернулся со смены, как сразу учуял, что в доме

пахнет грозой. Жена что-то с грохотом передвигала в кухне. Гремели кастрюли, сковородки, утюги.

— Явился не запылится! — проворчала жена. — А ну-ка беги к своей Вере Сергеевне и скажи, чтобы она отдала мясорубку. А не то я сама к ней схожу...

Калягин распахал по карманам формочки для кексов, сбежал вниз, к соседке, и взамен попросил в долг мясорубку.

Пожар не разгорелся, но обеда Калягину долго не давали.

У него было время поразмышлять над своим положением. Усевшись за свой рабочий столик в столовой, он стал перекладывать из ящика в ящик всякую всячину, вынесенную в разное время с завода. Тут были мелочи, никакой практической ценности в домашнем обиходе не имевшие: болты, гайки, металлические бруски, разные пластмассовые детали... Он перекалывал их с места на место и горестно размышлял:

— Дело пахнет керосином! Сколько можно одалживаться у соседки? Ну, еще раз, два, а там такая каша заварится! Еще неизвестно, что хуже — исчезновение хозяйственных предметов или ревность жены!..

— Чего пригорюнился? — прервала его мысли жена. — Что-то, я смотрю — металлолом твой не прибавляется. Или на заводе за ум взялись, обыскивать вас, окаянных, в проходной стали, чтобы вы квартиры всяким хламом не затоваривали..

— В том-то и дело! — вздохнул Калягин. — Народный контроль свои посты установил. Шпунтика не пронесешь...

Утром, как обычно, Калягин проснулся в шесть часов. Тихонько, чтобы не разбудить супругу, умылся, оделся, позавтракал и на цыпочках направился к двери.

— Котенька! — слышался вдруг голос жены.

Щелкнул выключатель и Калягин увидел, что жена стоит в коридоре со скалкой в руках.

— А ну-ка, открой чемоданчик! — тоном опытного вахтера сказала она.

— Да ты что? — не понял Калягин.

— Открывай, когда говорят! И карманы выворачивай!

— Да что это такое? — попытался отбиться муж. — Да где ж это видано, чтобы в родном доме проходную устроили. Может, еще пропуск предъявить прикажешь?

— Надо будет, и прикажу!

Жена проворно вывернула карманы мужа. На пол полетела всякая мелочь. Но ничего недозволенного не оказалось. Тогда жена принялась за чемоданчик. Но и в нем все было в порядке.

— Чего пристала! — гордо сказал Калягин. — Только зря обижаешь невинного человека.

Жена стала смущенно заправлять у него на груди теплый шарф. И вдруг как вскрикнет:

— Ой, что это!

Пошарив за пазухой у мужа, она извлекла на свет божий целый хозяйственный набор: металлическое ситечко для чая, щипцы для колки орехов и медный пестик от ступки.

— Не может быть! — ахнула жена. — Неужели запил! Пропивать несешь.

— Еще чего! — возмутился Калягин. — Сама знаешь, что капли в рот не беру...

— Так куда несешь? Неужто к своей Верре Сергеевне?..

— Да что ты! — испугался Калягин. — Ни в жисть! На завод...

— Зачем тебе на заводе щипцы для орехов?

— Зачем, зачем! Ни за чем...

— Так чего же тянешь?

— Всю жизнь с завода чего-нибудь да тянул. Думаешь легко отвыкнуть... Душа ноет...

— Я так и думала, — облегченно вздохнула жена. — Закон инерции. Ну, ладно, бери! Уж лучше из дома тянуть, чем с завода. Только смотри, чтобы с возвратом.

И она сунула мужу в карман ситечко для чая, щипцы для колки орехов и пестик от ступки...

В этот день после смены Калягина задержали в проходной. Он пытался вынести с завода принесенные когда-то прищепки для белья и формочки для кексов...

Телефонный узел

Лапушкин боком вошел в кабинет начальника и остановился у дверей.

Товарищ Кобяков разговаривал одновременно по двум телефонам. Заметив Лапушкина, он подбородком указал ему на стул.

Лапушкин сел. Момент для разговора был неподходящий, но ждать Лапушкин больше не мог. Два месяца назад было принято решение о его командировке. Но то ли кто-то на каком-то документе не поставил ответственную загогулину, то ли какая-то секретарша сунула загогулину не в ту папку, но получалось, что де-юре Лапушкин уже два месяца расходует командировочные, а де-факто он сидел сейчас на краешке стула в кабинете своего непосредственного начальника и с тоской размышлял о том, что лето на исходе и в отпуск из-за этой командировки-невидимки придется идти глубокой осенью.

Наконец Кобяков сказал: «Все!» — и резко опустил на рычаг левую трубку, потом сказал: «Будет сделано!» — и аккуратно положил на рычаг правую трубку.

Отдышавшись, он посмотрел на Лапушкина.

— А! Лапушкин! — радостно приветствовал начальник. — Возвратился из командировки? Рассказывай, что успел!

— Ничего не успел, — тихо ответил Лапушкин.

— Почему так?

— Потому что еще никуда не ездил. Решение о командировке не подписано.

— До сих пор не подписано! — возмутился Кобяков. — Волокитчики! Бюрократы! Посиди, я сейчас все выясню.

Кобяков проворно набрал номер внутреннего телефона.

— Товарищ Марута, — мягко сказал он в трубку, — это Кобяков беспокоит. Я от-

носителем командировки Лапушкина. Да, было решение... Два месяца назад... Командировка срочная. Не знаю, чего они тянут.

Товарищ Марута на другом конце провода выразил свою полную солидарность с возмущением товарища Кобякова.

— Не клади трубку, — сказал он, — я сейчас все выясню у Шляпкина.

— Сейчас Марута выяснит у Шляпкина, — сказал Кобяков Лапушкину и придвинул к себе свежий номер газеты с разбором шахматной партии.

Между тем товарищ Марута быстро набрал на городском аппарате номер телефона Шляпкина.

— Товарищ Шляпкин, — мягко сказал он, — это вас Марута беспокоит. Насчет командировки Лапушкина. Было решение... уже два месяца... Хорошо, жду у аппарата.

Прижав трубку к уху плечом, товарищ Марута придвинул к себе свежий номер газеты и погрузился в разбор шахматной партии.

Между тем товарищ Шляпкин мгновенно набрал на внутреннем аппарате номер товарища Ручинского.

— Шляпкин беспокоит, — нежно сказал он, — насчет командировки Лапушкина...

— Знаю-знаю! — загремел Ручинский. — Где-то у Велюгина застряло. Не клади трубку, я сейчас выясню...

В ожидании ответа Шляпкин принялся анализировать шахматную партию в газете, а Ручинский на городском аппарате тут же набрал номер Велюгина.

— Это вас Ручинский беспокоит. По по-

воду командировки Лапушкина... Что? Хорошо, жду у телефона.

Ручинский придвинул к себе свежий номер газеты... А Велюгин в своем кабинете стал ожесточенно накручивать диск внутреннего телефона.

— Здравствуй, товарищ Кокин, — певуче произнес он, услышав в трубке начальственное «Алло!». — Это вас Велюгин беспокоит. Как там насчет командировки Лапушкина? Еще два месяца назад...

— Что?! До сих пор не подписано?! — расшвыривая трубку, воскликнул Кокин. — Волокитчики! Бюрократы! Не кладите трубку, я сейчас выясню...

На столе у Кобякова зазвонил городской телефон.

— Слушай, Кобяков, что там с командировкой Лапушкина? — сердито спросил Кокин.

— Я как раз сейчас выясняю этот вопрос, — залепетал Кобяков. — И Лапушкин у меня в кабинете. Вместе ожидаем. Как только узнаю, сейчас же вам перезвоню!

Кокин положил трубку городского телефона и сказал по внутреннему:

— Велюгин, слушаешь? Вопрос как раз сейчас выясняется. Товарищи на проводе. Не занимай аппарата. Я тебе сейчас перезвоню.

Велюгин положил трубку внутреннего телефона и сказал по городскому:

— Вот что, Ручинский, сейчас вопрос выяснится, и я тебе перезвоню.

Ручинский положил на рычаг трубку городского телефона и сказал по внутреннему:

— Шляпкин, слушаешь? Вопрос выясняется. Положи трубку и не занимай телефон, я тебе перезвоню.

Шляпкин положил трубку внутреннего телефона и сказал по городскому:

— Ну как, Марута, заждался? Зато результат на носу. Вопрос вот сию минуту решается. Как только мне сообщат, я тебе перезвоню.

Марута положил на рычаг трубку городского аппарата и сказал по внутреннему:

— Слушай, Кобяков, с тебя причитается. Я поднял на ноги все начальство. Сейчас все выяснится. Как только мне позвонят, я тебе перезвоню.

— Ну вот, поздравляю, все в порядке, — сказал Кобяков, пожимая руку Лапушкину. — Твой вопрос в верных руках. И как раз в эту минуту решается. Иди пока к себе, работай. Как только мне позвонят, я тебя вызову.

— Спасибо, — сказал Лапушкин, — я знал, что это не может продолжаться до бесконечности.

И, облегченно вздохнув, он вышел из кабинета...

Кто «за», кто «против»?

На общезаводское собрание Пятеркин явился в наилучшем расположении духа.

— Чего ты сияешь? — мрачно спросил его бригадир Куковой. — Или не знаешь, что сегодня обсуждаются итоги выполнения квартального плана?

— Знаю, — сказал Пятеркин, улыбаясь всеми тридцатью двумя зубами.

— Станный человек! — рассердился Куковой. — Твоя бригада план не выполнила. Тебя сегодня вперед ногами выносить будут.

— И правильно сделают, — согласился Пятеркин. — Как понесут, сам помогать стану.

Куковой пожал плечами, невежливо сплюнул и пошел занимать место в зале, бормоча что-то вроде того, что Пятеркин или спятил от страха, или хватил для смелости лишку.

Началось собрание. Куковой как в воду глядел: все навалились на Пятеркина. Мало того, что его бригада не выполнила плана, она потянула за собой весь сборочный цех, а сборочный цех потянул за собой весь завод.

— Что скажешь? — обратился председательствующий к Пятеркину, когда в вопрос была внесена полная ясность.

— Что скажу? — улыбнулся Пятеркин. — Все правильно. Бригада план не выполнила и в ближайшее время выполнять не будет.

Шум поднялся, как на хоккейном матче. На заводе давно было известно, что Пятеркин человек принципиальный. Но тут, пожалуй, он хватил через край.

— Это как так не будет! — закричал с места Куковой. — Моя бригада выполняет, а его не будет! Из-за него мы все без премиальных сиди?

— Правильно, — согласился Пятеркин. — Все без премиальных сиди.

Аудитория раскололась на два лагеря. Одни кричали: «Правильно, Пятеркин!»

Другие кричали: «В шею Пятеркина!»

Пока выяснились отношения, подоспела резолюция. Работа Пятеркина была квалифицирована как скверная.

— Голосуем, — сказал председательствующий. — Кто «за», кто «против»?

Но Пятеркина голыми руками не возьмешь. Раз он сказал «нет», от него «да» не добьешься, даже если сам директор упадет перед ним на колени.

— Я против! — поднялся с места Пятеркин. — Скверно работали не мы, а завод-поставщик. Его переключатели никуда не годятся. Вот его и вставляйте в резолюцию.

Что правда, то правда — у этих переключателей характер принципиальнее, чем у нашего Пятеркина. Те из них, которые включаются, потом не выключаются. А те, которые выключаются, потом не включаются. И даже если весь заводской треугольник упадет перед ними на колени, они своего порядка не изменят.

— Как это так — поставщика — в резолюцию? — удивился заведующий снабжением. — Поставщик в другом городе, в другой республике, наконец вообще в другой системе. Ему чихать на наши резолюции. Это все равно что показывать кукиш в кармане!

— Это правильно! — сказал Пятеркин. — Кукиш, в кармане он или не в кармане, мера воздействия устаревшая и не эффективная. На поставщиков-бракоделов куда лучше действуют арбитраж и народный контроль. Но это уж ваша забота. А я бракованные детали принимать не буду. Трудящиеся покупают нашу продукцию не для того, чтобы таскаться по гарантийным мастерским.

— Точно! — воскликнул начальник отдела сбыта. — От гарантийщиков бегать у меня лично просто ног не хватает. Только на пятер-

кинской продукции и отдыхаю. Извините, но оценивать его работу как скверную я отказываюсь.

Поступило предложение слово «скверная» заменить словом «плохая».

— Кто «за», кто «против»?—спросил председательствующий.

— Я против! — выкрикнул с места Пятеркин. — Не вижу ничего плохого в том, что моя бригада не допускает брака!

Поступило предложение слово «плохая» заменить словом «недостаточная».

— Возражаю! — сказал главный бухгалтер. — Термин «недостаточная» имеет значение чисто количественное. И в данном аспекте не отражает правильную картину, поскольку, как здесь уже было сказано, Пятеркин дает продукцию качественную. Предлагаю применить термин «неудовлетворительная».

— Товарищи! — закричал секретарь заводской многотиражки. — Когда мы отучимся от обтекаемых формулировок! Что такое «удовлетворительная»? Ни плохая, ни хорошая! Ни то ни се! Нечего, товарищи, смазывать оценки! Я предлагаю признать работу Пятеркина хорошей.

— Не хорошей, а отличной! — воскликнула симпатичная сборщица, метнув в Пятеркина восхищенный взгляд. — И вынести ему благодарность в приказе.

— За что?! — возопил принципиальный Пятеркин. — За что благодарность? Мы же план не выполнили!

Решили отметить принципиальность Пятеркина и остановиться на характеристике «хорошая».

— Хорошая? — запротестовал начальник планового отдела. — Чего же тут хорошего, если его бригада игнорирует требования плана?

Заменили слово «хорошая» на «удовлетворительная».

— Не знаю как кого, — сказал директор завода, — но меня такая работа не удовлетворяет.

Заменили слово «удовлетворительная» на «плохая».

— Не плохая, а скверная! — крикнул Пятеркин. — Скверная эта работа, если она никого из вас не убедила, что нынешнее положение на заводе терпеть больше нельзя!

— Скверная так скверная, — сказал председательствующий, в отчаянии посмотрев на часы. — Пятеркину виднее. Кто «за», кто «против»?

— Я против! — крикнул принципиальный Пятеркин.

Но его уже никто не слушал. Часы на стене показывали, что рабочий день кончился...

Медвежий душ

Все считали, что у Моти трудный характер. Все, кроме Гриши.

Когда на конюшне раздавалось пронзительное жужжание пылесоса, звери забивались в углы клеток, лошади били копытами, дрессированные собачки поднимали лай, несовместимый с их образованием, даже сам царь зверей — красавец лев, забывая о величии,

морщился и скулил под стать дворовому щенку.

И только медведь Мотя чувствовал себя отлично. Он поднимался на задние лапы и, щурясь от удовольствия, подставлял под щетку пылесоса то спину, то грудь. Все его существо сияло, а шкура лоснилась и отливала шоколадным блеском.

Служитель Гриша, придумавший для Моти это ежедневное удовольствие, медленно водил шлангом и приговаривал:

— Хорошая штука, верно! Я тоже люблю утром под душем попрыгать. Ну, правда, твой медвежий душ особенный. Шумит сильно. Но зато ты, брат, у нас на конюшне чище всех.

Гриша, коренастый мужчина в летах, всю жизнь провел в цирках при зверях. Яркие огни манежа не светили Грише. На манеж он выходил либо ранним утром, либо поздней ночью, когда цирк освещался тусклыми «репетиционными» лампочками. За ним на поводу лениво плелся Мотя.

— Але-оп! — командовал Гриша, дирижерским жестом вскидывая руки, и Мотя вставал на задние лапы. Мотя понимал Гришу с полуслова, и, может, поэтому на репетициях у него все получалось немного лучше, чем на представлениях. Дрессировщику это не нравилось. Он придирался к Грише. А Гриша от обиды выпивал.

Однажды, хватанув лишнего без закуски, Гриша забыл выключить пылесос, и тот всю ночь гудел, вызывая беспокойство в конюшне. К утру пылесос замолк: сгорела обмотка в моторе. Гриша пришел утром в цирк, как всегда, взялся приводить в порядок Мотю, повер-

тел рычажки, туда-сюда — никакого впечатления. А Мотя между тем уже встал на задние лапы в ожидании любимой процедуры и с нетерпением поглядывал на приятеля: дескать, довольно возиться, пора умыться.

— Ничего не поделаешь, — сказал Гриша. — Машина испортилась. Будем чиститься, как прежде, щетками.

Мотя недовольно зарычал.

Конечно, медведь не человек, его убедить не так просто. Если в квартире выключают на две недели горячую воду, человек вздыхает и отправляется в баню. Медведь Мотя не желал возвращаться к прошлому. И когда Гриша притащил из гардеробной щетки, Мотя лягнул приятеля далеко не по-приятельски.

Тогда Гриша завернул пылесос в холстину и понес его в мастерскую.

— Ремонт производим в течение двух недель, — сказала приемщица.

— Никак невозможно, — возразил Гриша. — Мотя лягается, он не может жить без души.

— Гражданин, — сказала приемщица, — если вы выпили, так проспитесь. В нетрезвом виде мы не обслуживаем. — И она захлопнула окошко перед носом у Гриши.

На окраине города оказалась мастерская срочного ремонта.

Мастер, повертев пылесос, установил диагноз:

— Намотка сгорела.

И пообещал сделать через неделю.

Неделя эта была для Гриши сплошной пыткой. Мотя капризничал, своевольничал. Дресировщика он совсем не слушал. Когда тот

приказывал кружиться в вальсе, Мотя ложился на спину и перекатывался с боку на бок, когда предлагал пройти по бревну на передних лапах, начинал чесаться о бревно спиной. Когда же вконец осерчавший дрессировщик стучал Мотю палкой, из побуревшей шкуры поднималось облако пыли. Мотя чихал, чихали зрители в первом ряду, галерка свистела...

Пришел долгожданный понедельник, и Гриша чуть свет помчался в мастерскую срочного ремонта. Обратный его путь был вдвое длиннее. Крутыми зигзагами вел он от одного пивного киоска к другому. Но как ни петлял Гриша, он не мог уйти от преследовавшей его фразы: «Пылесосик-то ваш не готов. Зайдите через недельку...»

Поздно ночью Гриша прокрался на конюшню пьяный и грязный. С трудом отпер клетку, подполз к медведю и уткнулся лицом в его шкуру.

— Ешь меня, грызи, рви на части, — бормотал он, всхлипывая, — это я, пьяная скотина, сжег твой любимый душ.

Мотя деликатно отвернулся, поскольку не переносил запаха спиртного, и, добродушно урча, поглядывал на Гришу одним глазом, дескать: «Что это с ним происходит? Наверное, затосковал старик по родным лесам...»

Проснулся Гриша на рассвете, натянул на Мотю прочный намордник и вывел его из цирка.

Заведующий мастерской срочного ремонта был страшно удивлен, когда к прилавку, переваливаясь, подошел огромный медведь.

— Вы не пугайтесь, — пояснил Гриша. — Этот товарищ — владелец пылесоса. И он сказал, что не уйдет отсюда, пока пылесос не будет отремонтирован. Ничего не поделаешь — трудный характер. Верно, Мотя?

Мотя утвердительно кивнул головой.

Работы оказалось сущий пустяк. Не прошло и часа, как Грише возвратили пылесос, жужжавший еще веселее, чем до ремонта.

— Все-таки хорошо, что ты зверь, — сказал Гриша, хлопнув Мотю по спине, — а то сидеть бы тебе еще недели две без душа.

Мотя понимающе ткнул Гришу лапой в бок.

Точные люди

Недавно я переехал на новую квартиру. Взял месячный отпуск и стал устраиваться.

В хлопотах по преодолению строительных недоделок время пролетело незаметно, и однажды у меня раздался телефонный звонок.

— Ты что же это! — прогудел в трубке бас одного из товарищей по работе. — Оказывается, уже месяц как переехал на новую квартиру, а нам ни слова! Не выйдет! В субботу мы нагрянем к тебе всем отделом. Ничего не готовь, все приволокем. Будем точно в семь.

Какие они все-таки милые, мои сослуживцы. А я? Совсем забыл о друзьях. Ознакомившись со справочником «Служба быта», я понял, что если все разумно организовать, все точно рассчитать, то...

До субботы оставалось четыре дня.

На вторник я вызвал из ЖЭКа электриков, чтобы они повесили люстры.

На среду вызвал из фирмы «Заря» полотеров.

На четверг — из Бюро добрых услуг мастеров по мытью окон.

На пятницу — из ресторана 1-й категории повара и кулинара.

На субботу оттуда же официантов.

Ну, а на воскресенье, так сказать, для восстановления статус-кво, судомоек и уборщиц.

Дальше все пошло как по маслу.

Во вторник явились судомойки и уборщицы, тщательно перемыли чистую посуду и прибрали прибранную квартиру.

В среду прибыли шеф-повар и кулинар с целой батареей кухонных принадлежностей и двумя корзинками со снедью. Быстро и отлично приготовили изысканные блюда.

В четверг появились два ловких официанта. С высокохудожественным вкусом сервировали стол на двадцать персон.

В пятницу пришли полотеры из фирмы «Заря». Это были настоящие мастера своего дела. После их ухода пол блестел как зеркало, а на столе нельзя было разобрать, что к чему.

Проработав всю ночь, я кое-как пересервировал стол на десять персон.

Но в субботу чуть свет пришли электрики ЖЭКа и мастера окон из Бюро добрых услуг. Кто бы мог подумать, что они так умело справятся с оставшимися закусками и напитками.

В семь часов вечера, точно по радиосигналу, прибыли гости.

Полы сверкали, стекла сияли небесной голубизной, гардины ниспадали шелковыми складками.

Гости засучили рукава и принялись за мытье посуды. Потом они развернули принесенные пакеты и выложили содержимое авосек. Ужин удался на славу.

Какие они все-таки милые люди, мои сослуживцы, и какие точные! Никто не явился вместо субботы в четверг (см. официанты), вместо воскресенья во вторник (судомойки и уборщицы), вместо пятницы в среду (шеф-повар и кулинар) и в субботу вместо вторника и четверга (электрики и мойщики окон).

Мои сослуживцы явились точно в назначенное время: в субботу, в девятнадцать ноль-ноль. По-настоящему точные люди! А руководство ими всегда недовольно.

Я поделился этими мыслями с руководителем нашего отдела.

Он поглядел на меня как-то странно.

— Ну, точные. Чего вы удивляетесь? Это же не на работе!

Зоосувенир

Прочитал я в газете, что в нашем городе открывается зоомагазин самообслуживания. В нем к услугам покупателей всегда будет широкий ассортимент домашних животных и хищных зверей. Подходи, выбирай и плати в кассу.

Тут как раз приближались именины Ивана Кузьмича, и я просто терялся в догадках, что ему преподнести.

— Зоосувенир — вот это вещь! — решил я и отправился в зоомагазин.

Уже снаружи новая торговая точка внушала доверие. Огромные витрины сразу вводили потребителя в курс. В одной витрине был ор-

ганизован уголок подводного царства, в другой — завал дремучей тайги, в третьей — вольер обезьяньего питомника. Я чувствовал, как у меня разбегаются глаза.

У прилавков толпились учащиеся от ноля до восьми классов. Кому нужно было канарейку, кому дрозда, кому красных рыбок. Продавцы прохаживались между прилавков и только поглядывали, чтобы кто-нибудь не сунул малька в карман, минуя кассу.

Я долго ходил взад-вперед, пока какой-то гражданин не обратил на меня внимания.

— Как я погляжу, вы уже довольно много времени прохаживаетесь по торговому помещению без определенной цели, — сказал он с отеческой улыбкой. — Интересно бы узнать, из какой вы организации? Из народного контроля? Или из милиции?

Я объяснил ему насчет именин Ивана Кузьмича.

Гражданин облегченно вздохнул и взялся показать мне товар лицом.

В живописных клетках полулежали и полувисели зоосувениры разного калибра — от кобры до колибри. Замков на клетках не было, чтобы потребитель мог сам взять, что ему полюбится.

— Вот, пожалуйста, — предложил гражданин, оказавшийся дежурным администратором, — сиамский кот, вполне подходящий подарок. Или, допустим, домашняя болонка, чистый вес — четыреста тридцать шесть граммов.

— Нет, — возразил я, — коты и собаки имеются бесплатно в каждом дворе. Нельзя ли что-нибудь пооригинальнее?

— Имеется кобра обезвреженная. Жало у нее удалено хирургическим методом. Правда, если в доме маленькие дети, мы кобру не рекомендуем, так как она не выносит, когда ее щекочут в ноздрах шариковой ручкой, и вполне может набезобразничать.

— Не подходит, — сказал я. — У Ивана Кузьмича, правда, маленьких детей нету, но у него имеются две шариковые ручки.

— Тогда возьмите жирафа. Красавец! Рост — два метра девяносто сантиметров.

— Не подходит, — сказал я, — у Ивана Кузьмича потолки два метра шестьдесят пять.

— А что, если вам взять верблюда! Оригинальное животное. Непьющее.

— Непьющее! — вздохнул я. — Поживет у Ивана Кузьмича — запьет.

Звери смотрели на меня тоскливо. Особенно лев. Ведь царь зверей, а глаза у него были жалкие, как у щенка, и светилась в них немая просьба:

«Ну, купи меня! Купи, товарищ!»

Было больно смотреть, как первосортный товар теряет кондицию из-за отсутствия спроса у населения.

— Методы торговли у вас устаревшие, — сочувственно сказал я. — Несовременные методы. Зверей надо продавать в заранее расфасованном виде, в специальных наборах: «Туристском», «Рыболовном» и т. д. К примеру: один лев и два кило живой рыбы или: один бегемот и две бутылки кукурузного масла.

— Это идея! — оживился администратор. — Учтем ваши пожелания в самом ближайшем будущем.

Я ушел из магазина с пустыми руками, но червь сомнения точил меня. Правильно ли я сделал, что не купил сиамского кота? Все-таки не простой кот, а импортный.

На следующий день я возвратился в зоомагазин.

— Уговорили! — сказал я администратору. — Беру сиамского кота. Заверните.

— Пожалуйста! — обрадовался администратор. — Платите в кассу семьсот шестьдесят семь рублей.

— Семьсот шестьдесят семь? За кота!

— Нет, за кота только семь рублей, а семьсот шестьдесят — за слона. Теперь мы продаем их в наборе: один слон — один кот; одна кобра — одна болонка; один верблюд — четыре банки растворимого кофе; два льва — два кило воблы. Согласно желанию покупателей!..

Мощные профессии Коти

*Диктор
местного значения*

Я не видел Котю несколько лет. Я не узнал его. Он основательно вырос. Но еще больше выросла его шевелюра. Волосы волнами спускались до плеч. Он стал неуклюжий и длинный, но еще более длинными и неуклюжими показались мне его брюки. От колен они спускались колоколами и при каждом шаге всасывали наподобие пылесоса всю пыль с тротуара.

Я не узнал его, но он узнал меня. Люди моего возраста редко меняются до неузнаваемости.

— Здррясьте! — сказал он, хлопнув меня по плечу. — Что? Не узнали? Я Котя.

— А, Котя! Но почему ты говоришь «здррясьте!»? Надо говорить «здравствуйте».

— Извиняюсь, — сказал Котя.

— «Извиняюсь» — это значит, что ты извиняешь сам себя. Надо говорить «извините».

— Лады! — сказал Котя.

— Не «лады», а «ладно» или, вежливее, «хорошо».

Котя попытался улизнуть.

— Общий привет! — сказал он.

— Видимо, ты хотел сказать «до свиданья»?

— Язык предков! — сказал Котя. — Средневековый треп!

И еще раз хлопнув меня по плечу, добавил:

— Я потопал в институт.

— А зачем тебе в институт? — поинтересовался я.

— У родителя заела шестеренка, — сказал Котя.

— В машине?

— Чудило! В мозговой коре. Завинчивает гайки. Чтобы я пошел в институт. На инженера! Но это же не для интеллигентного человека.

— А ты интеллигентный?

— Факт!

— Так, может быть, пойдешь на медицинский?

— Еще чего?

— На геологический?

— Здря-сьте!

— Опять «здрясьте»? Кем же ты хочешь стать?

— Диктором! — сказал Котя. — Мощная профессия!

— Здесь нужны особые способности.

— Налицо! Редкий талант.

— Какой именно?

— Красноречие. Стильно загибаю по любому вопросу. Хиппикидохнутот зависти.

Котя по-деловому посмотрел на часы.

— Привет, времени нет! Пошел наниматься в дикторы.

— А как же «родитель» с его «шестеренкой»?

Котя помрачнел.

— А вы не стукнете?

Я покачал головой.

— Слово джентльмена?

Я дал слово джентльмена.

— Дружок обещал достать студенческий билет. Подчистим имя-фамилию, и родитель отвалится.

Он хихикнул, хлопнул меня по плечу и ушел, напевая:

В нашем городе все мини-юбки
Без ума будут топать за мной...

...Спустя некоторое время я встречал на вокзале дальнюю родственницу. Поезд опаздывал, и я прогуливался по перрону, как вдруг из репродуктора слышался хриплый голос:

— Грряждане пассажирры! На платформу номер три прибывает поизд номер пиять. Пафтаряю: на платформу номер три...

Я прислушался. Ну, конечно же, это был Котя. Его голос и его неповторимое умение «стильно загибать»...

Значит, он все-таки стал «диктором», правда, весьма местного значения...

Теплое место

На днях Коте пришлось распрощаться с должностью диктора на вокзале. Он путал время отправления и прибытия поездов, что вызывало неудобства для отъезжающих и встречающих. Котя вынужден был покинуть место не по собственному желанию.

Папа и мама из воспитательных соображений отказали ему в трехразовом питании, ни о каких карманных деньгах, разумеется, не могло быть и речи. Котя дошел до такого финансового кризиса, что ему нечем было заплатить даже за билет на танцплощадку. У него образовалось много свободного времени.

Он лежал на пляже, тревожно прислушиваясь к тому, как урчанье в пустом желудке заглушало рокот волн, и размышлял о своем несладком будущем. Инстинкт самосохранения подсказывал, что надо срочно чем-то заняться. Чем-нибудь сносно оплачиваемым и не очень утомительным.

Невдалеке, на сколоченной из досок вышке, с достоинством прохаживался спасатель. Молодой, мускулистый, загорелый, в фуражке с белым накрахмаленным верхом и золотым крабом над лакированным козырьком. Он посматривал в большой морской бинокль и время от времени выкрикивал в мегафон руководящие указания купающимся.

— Вот это работа! — вздохнул Котя, чуть не захлебнувшись от зависти. — Мощная профессия! Шикарная и не пыльная...

Утром он явился в Общество спасения на водах. На ушах у него лежала фуражка с крабом, которую он выклянчил у соседа-пенсионера. На ногах трепыхались псевдоматросские штаны, одолженные знакомым гитаристом из ресторана «Якорь». Той морской походкой он прошелся перед руководством и положил на стол заявление.

Посмотрели анкету. Окончил восемь классов школы. Последнее место работы — диктор. Уволился по собственному нежеланию. Папа — потомственный бухгалтер, мама — потомственная домохозяйка... Коте предоставили мегафон и вышку на одном из пляжей.

Теперь он целый день разгуливал по спасательной вышке и выкрикивал в мегафон разные пункты из инструкции голосом, поставленным на дикторской работе на вокзале:

— Грряждане пассажиры!..— извиняюсь — отдыхающие! Не тоните без предупреждения! При появлении признаков утопления, принимайте меры, согласно инструкции от десятого июня...

Папа не мог нарадоваться: наконец-то Котя нашел теплое место в жизни. Мама перевела его на четырехразовое питание санаторного типа, с доставкой судков и термосов непосредственно к месту работы. Котя округлился, загорел и даже стал нравиться девушкам...

И надо же было, чтобы в воскресный день какой-то гражданин на сто двадцать килограммов живого веса и сто пятьдесят граммов жидкого, вошел в воду, а обратно не вышел.. Во-

шел он в воду, надо думать, потому, что погода выдалась жаркая, а почему он из воды не вышел, можно будет узнать после того, как его оттуда вытащат.

Котя забегал по вышке, хватаясь то за часы на руке, то за бинокль, то за веревку пожарного колокола, висящего на вышке. И так он бегал до тех пор, пока несколько молодых и пожилых купальщиков, не состоя в членах Освода, все же выволокли из воды сто двадцать килограммов и сто пятьдесят граммов еле живого веса и вернули его к нашей повседневной жизни.

Но к этому моменту Котю уже сняли с вышки и с должности.

За что — спрашивается? Окончил 8 классов школы, последнее место работы — диктор. Уволился по собственному нежеланию. Папа — потомственный бухгалтер, мама — потомственная домохозяйка...

— А что он не умел плавать!

Так об этом его никто и не спрашивал...

Бедный Степа

Не те данные

Из классов доносились звуки различных инструментов. Каждый из них в отдельности, наверное, играл очень красивую мелодию, но здесь, в холле музыкального училища, все это представлялось не более мелодичным, чем настраиваемый оркестр.

Полная женщина в лиловато-малиновом крепдешине, свидетельствовавшем о том, что

его владелица умеет одеваться одновременно дорого и дешево, остановилась на пороге и подтолкнула вперед мальчика лет шести. Мальчик был наряжен в вельветовые штанишки и такую же куртку с большим белым бантом а-ля Козьма Прутков. В руке он держал деревянный футляр со скрипкой.

— Осторожно, не размахивай, — внушала мальчику мама, — помни, что это стоит денег. Не смотри по сторонам. Не спотыкайся.

Мальчик делал все наоборот. Он размахивал футляром, смотрел по сторонам и на каждом шагу спотыкался.

Женщина прошла к двери с табличкой: «заведующий», проскользнула в нее, втянув за собой мальчика.

Седой старичок, сидевший за письменным столом, посмотрел поверх очков.

— Здравствуйте, — сказала посетительница, улыбнувшись со всей обаятельностью, на которую способна женщина после сорока лет. — Простите, если не ошибаюсь, вы заведующий музыкальным училищем?

— Да, я, — старичок поднялся из-за стола. — Чем могу служить?

— Я привела к вам своего мальчика.

— Очень приятно. Разрешите полюбопытствовать на какой предмет?

— Учиться на Ойстраха.

Старичок улыбнулся.

— Обязательно на Ойстраха?

— Не обязательно. В крайнем случае можно на Галину Баринову.

— Простите, — сказал старичок, — ваше лицо мне знакомо. Вы, кажется, у нас уже были?

— Была. Я — Сидоркина Агния Васильевна. У меня сын — вундеркинд.

— Да, да! Припоминаю! Сидоркина... Так вот, Агния Васильевна, ваш мальчик уже один раз экзаменовался, и вам сказали, что у него нет данных.

— Совершенно верно. Тогда у него не было данных. Это моя вина. А теперь...

— Теперь у него данные появились?

— Само собой разумеется. Разве я осмелилась бы привести к вам мальчика второй раз без данных? Степа! Дай сюда скрипку.

Мальчик протянул матери футляр, который она положила на письменный стол заведующего.

— Вот, пожалуйста! — женщина раскрыла футляр и достала из него отрез темно-синего материала.

— Что это? — не понял старичок.

— Дакрон.

— Дакрон?

— Да. Чистый нейлон пополам с перлоном. Это на костюм для вас. А это... — из футляра появились дамские сапоги на меху, — это вашей жене.

— Моей жене?! — удивился старичок.

— Ну если у вас нет жены, это может пригодиться вашей знакомой...

— Что это такое! — теряя от волнения голос и словно обращаясь к кому-то за помощью, воскликнул заведующий училищем. — Что это такое, я вас спрашиваю!

— Данные, — невозмутимо ответила женщина и улыбнулась еще с большей обольстительностью.

Наконец старичок понял.

— Забирайте все это и сейчас же уходите отсюда! — закричал он. — У вашего «вундеркинда» не те данные.

— Не те данные? — женщина изобразила на лице крайнюю степень удивления. — Если это не те данные, тогда я не знаю, что вам еще нужно!

Побросав вещи в футляр из-под скрипки, она толкнула сына в спину.

— Пойдем отсюда, Степа! Пойдем в медицинский институт?

Заведующий не вытерпел:

— Такого маленького мальчика в медицинский институт? Зачем?

— Учиться на профессора Вишневого! — гордо сказала женщина.

Дверь громко хлопнула. В коридоре слышалось капризное хныканье.

— Не хочу на Вишневого — хочу на Льва Яшина!

Требуется мальчик

С тех пор как Агния Васильевна потерпела фиаско в музыкальном училище, атмосфера в доме накалилась, как в доменной печи.

Сергей Викторович норовил улизнуть из-за обеденного стола на секунду раньше, чем его супруга успевала придумать очередной повод для ссоры. Виновник события — шестилетний Степа тоже старался как можно реже попадаться на глаза маме.

— Представьте себе, — изливала душу Агния Васильевна каждому, кто необдуманно заглядывал в гости, — эти музыковеды за-

явили, что у нашего Степы нет слуха. Смешно! Зачем ему слух, когда у него есть голос. Слух должны иметь члены приемной комиссии. А у них одни только звания. У вас есть слух? Так послушайте, как наш Степа поет.

После этого следовал властный окрик:
— Сте-па!..

И перед смущенным гостем появлялся пузыреобразный Степа, весь измазанный вареньем, которое он, судя по всему, ел без ложки и без маминого разрешения.

— Спой «травы-травы», — приказывала Агния Васильевна, и Степа, торопливо облизываясь и сопя, затягивал:

— «Тлавы, тлавы, тлавы не успели от лосы пледутленней согнуться...»

— Ну? — победоносно спрашивала мать, когда Степа заканчивал пение и отвечивал поясной поклон, как он это видел по телевиденью на концерте Клавдии Шульженко.— И они смеют утверждать, что у нашего Степы нет музыкальных способностей.

Но на этом испытания не заканчивались.

— Возьми скрипку, — приказывала мама.

Степа брал скрипку и начинал дотошно и фальшиво пилить гаммы, после чего даже самый выносливый гость вспоминал, что у него в городе неотложное дело.

На днях Агнию Васильевну словно подменили.

В вечерней газете было напечатано объявление о том, что киностудии на главную роль в цветном широкоформатном фильме требуется худенький мальчик четырех лет со светлыми локонами и голубыми глазами.

Агния Васильевна почувствовала, как в ней закипает жажда деятельности.

— Читай! — крикнула она мужу, швырнув в него газетой. — На последней странице. Я отчеркнула красным карандашом.

Сергей Викторович прочитал.

— Ну! Что ты молчишь? — возмутилась Агния Васильевна. — На главную роль в цветном широкоформатном фильме требуется мальчик!

— Ну и что из этого? — осторожно спросил муж.

— Он ничего не понимает! Ведь это же наша мечта! Степа будет киноактером.

— Степа? — поперхнулся Сергей Викторович. — Но в объявлении сказано, что требуется мальчик четырех лет, а нашему Степе скоро семь.

— Какое это имеет значение! Слава богу, в таком возрасте детям еще не выдают паспортов. Скажем, что ему четыре, но он жертва акселерации.

— Но здесь написано, что требуется очень худенький мальчик. А нашего Степу ты так раскормила, что в нем уже больше сорока килограммов чистого веса.

— Я его раскормила, я его и похудею. У Софьи Мироновны есть голливудская диета. Специально для киноактеров. Незаменимая штука: две недели, — и человек становится как палка.

— И ты собираешься две недели морить Степу голодом?

— Не беспокойся! Я уложусь в пять дней. Он у меня станет худеньким мальчиком.

— Но это бесчеловечно! — заволновался

Сергей Викторович, зная возможности своей супруги. — Это же вредно для здоровья.

— Ничего страшного. Софья Мироновна применяет эту диету уже второй месяц, и ничего с ней не случилось.

— По-моему, она прибавила за это время десять килограммов.

— Прибавила. У нее слабая воля и хороший аппетит.

— По-твоему, у нашего Степы плохой аппетит?

— Хороший. Но у меня сильная воля.

Сергей Викторович попробовал другой аргумент.

— Допустим, тебе удастся довести мальчика до того, что он станет как палка. Но как быть с волосами? Требуются светлые локоны, а наш мальчик брюнет.

— Поразительно! — пожала плечами Агния Васильевна. — Ты, кажется, взрослый мужчина! Кандидат! А не знаешь самых простых вещей. Я тоже в детстве была брюнеткой. А в восемнадцать уже стала огненно-рыжей. В двадцать четыре — серебристо-седой, в тридцать — голубой, в тридцать три — лиловой, а теперь я золотистая блондинка.

— И Степе придется пройти через все эти этапы? — испугался Сергей Викторович.

— Для этого у нас нет времени. Он сразу станет блондином. Я покрашу его перекисью водорода.

— А глаза!.. — Сергей Викторович попытался ухватиться за последний шанс. — В объявлении сказано, что требуется мальчик с голубыми глазами. У Степы глаза черные. Может, ты их тоже переокрасишь...

Агния Васильевна задумалась.

Сергей Викторович затаил дыхание. Кажется, довод оказался достаточно сильным.

— Ерунда! — вдруг сказала Агния Васильевна. — Найди-ка мне телефон киностудии!

— Зачем? — не понял Сергей Викторович.

— Как зачем? Надо срочно переделать сценарий...

Сергей Викторович облегченно вздохнул. Кажется, Степа был опять спасен. Надолго ли? Этого никто не мог знать.

**Среди
профессионалов**

Тезка императора

В ложе Цезаря на покосившихся камнях сидели два молодых итальянца.

Солнце, склонившееся к западу, освещало развалины Колизея красноватыми косыми лучами, словно подготавливая прохожих к причудливой картине вечернего освещения, придуманного для древнего римского цирка электрической компанией «Филипс». Конечно, солнце не могло и мечтать об оранжевых софитах, устроенных инженерами. Оно освещало Колизей примитивно, по старинке, чуть наискосок, на просвет, и, может быть, именно от этого полуразрушенный амфитеатр приобретал черты прежнего своего величия.

Один из двух друзей, тот, что был помоложе, сказал после долгой паузы:

— Солнце скоро зайдет, а мы опять ничего не заработали.

— День на день не приходится, — спокойно ответил второй, разгрызая травинку.

— Я бы сказал, что день на день приходится. — На узком загорелом лице первого остро блеснули черные глаза. — Вчера ничего, сегодня ничего. А все твой характер! Филиберто уже две недели работает.

Товарищ выплюнул травинку и нарочито лениво перевернулся на другой бок.

— Работа? — презрительно сказал он. —

Целый день протискиваться между рядами на трибунах и орать до хрипоты: «Кока-кола, бира, аранчата!» И получать за это десять лир с бутылки! На шее ящик со льдом, а с самого пот льет в три ручья. На поле стадиона интереснейшие схватки, а ты только и видишь что горлышки бутылок. А окончится сезон — отправляйся туда, откуда пришел, с тем же шишом в кармане. Нет, это не для меня. Нет работы, и это не работа...

Друг, что был помоложе, понурил голову. Видимо, железная логика подавила его.

— Поедем в Неаполь, — сказал он с надеждой, — может, там найдется что-нибудь в порту?

— Что-нибудь непременно найдется, — согласился товарищ. — Американские подводные лодки найдутся, американские миноносцы найдутся. Только они в грузчиках не нуждаются...

Опять наступила томительная пауза.

Увидев, что его молодой друг окончательно загрустил, парень постарше хлопнул его по плечу.

— Ладно, Марио, сиди и не ной. Если нам не дают работы, мы должны сами выкручиваться. Что-нибудь подвернется. Судьба не допустит, чтобы два честных парня подошли с голоду.

И как бы в подтверждение его слов невдалеке послышалась английская речь, в ложу ввалилась группа американских туристов. Мгновенно защелкали затворы фотоаппаратов, зажужжали моторчики кинокамер. Когда наконец все собрались в круг, вперед выступил гид.

— Прошу обратить внимание, — начал он заученным тоном, — отсюда вам видна арена так, как ее видел когда-то Нерон. Я бы сказал, что даже лучше. Ибо время, разрушив поверхность арены, открыло вашим глазам тайны подземных траншей, по которым в древние времена львы пробирались к своим жертвам.

От группы туристов отделилась старая дама в лиловых шортах и нейлоновой распашонке, на которой были изображены доллары, фунты стерлингов, франки... Заглянув сверху в каменные лабиринты подземелья, она произнесла сиплым баритоном:

— Я не вижу львов. Здесь только коты.

Действительно, по ложам и коридорам во всех направлениях шмыгали огромные серые коты.

— Вы совершенно правы, синьора, — поспешил согласиться гид, — теперь здесь обитают коты. Львы были двадцать веков назад.

Парень, только что взывавший к милости Колизея, внезапно спрыгнул с камня.

— Прошу прощения, что я вмешиваюсь в разговор, — сказал он на ломаном английском языке, — но, если вам угодно, я могу сообщить кое-что интересное. Вы, должно быть, помните из учебников истории, что львы, жившие здесь, имели обыкновение питаться гладиаторами. Вымерли гладиаторы, вымерли и львы. От недоедания... Однако современная нам зоология утверждает, что коты — прямые потомки львов. Так что, если разобраться по существу, в этих котах, несомненно, течет кровь львов эпохи Нерона...

Дама слушала с возрастающим вниманием.

— Взгляните хотя бы на этот экземпляр, — продолжал оратор, показывая на жирного кота, что лежал на камне, уютно поджав под себя лапы. — Обратите внимание на его зеленые глаза. Какие хищные огоньки играют в них!

Вид у кота был самый мирный. Он щурился и, казалось, даже улыбался. Но туристы отступили на несколько шагов. Не отступила только дама.

— Прекрасная идея! — воскликнула она. — Посмотрите, господа, какая у него шерсть! А глаза! Настоящий лев... Я возьму его в Бостон. Это будет сенсация: в доме Роджерсов — живой Нерон. А?.. Все полопаются от зависти! — Сделав шаг к коту, она повелительно крикнула: — Нерон, ко мне!

То ли кот не знал, что он тезка римского императора, то ли кое-что понимал по-английски, но, до этой минуты мирно взирая на происходящее, он вдруг ощерился и попятился к стене.

— Так он уйдет, — резонно заметила дама.

Ленивое выражение на лице у парня, что был постарше, мгновенно исчезло. Теперь он смотрел на престарелую туристку, как рыбак смотрит на поплавок: клюнет или не клюнет?

— Надо его поймать, — осторожно предложил он.

— Да, надо его поймать, — клюнула дама. — Два доллара тому, кто его поймает.

— Десять! — выкрикнул парень с узким лицом и спрыгнул с камня.

— Пять! — благоразумно поправил его товарищ.

Дама протянула пятидолларовую бумажку. Старший ленивым движением сунул ее в карман и вразвалку пошел на кота. Его товарищ полез по камням на окружение.

Но кот и не думал сопротивляться. Он успокоился и доверчиво дался в руки.

— Вот ваш Нерон, — сказал парень, протягивая кота даме.

— Ах, Нерон, мой Нерон, я возьму тебя в Бостон! — баритоном замурлыкала старуха, принимая кота в объятия.

Но кот внезапно проявил истинно львиный темперамент. Он фыркнул, слегка запустил когти в рыхлые плечи своей новой хозяйки и, сделав исполинский прыжок, в одно мгновение очутился ярусом выше.

— Ловите его! — закричала дама. — Почему вы его не ловите?

— Мы нанимались ловить его только один раз, — мрачно сказал парень с узким лицом.

— Поймайте еще раз! — приказала дама. — Вот еще пять долларов.

Младший протянул было руку за деньгами, но приятель остановил его.

— Синьора, — сказал он с деланной серьезностью, — мы честные люди и не берем денег за работу, которую не в состоянии выполнить. Теперь, когда кот знает, что вы хотите увезти его из Рима, он никому не дастся в руки. Увы, синьора, заставить его ехать в Бостон выше наших сил.

Где-то вверху еще раз сверкнули изумрудные зрачки. Казалось, что теперь кот сме-

ется. Подняв хвост трубой, он прыгал с камня на камень, пока не исчез среди развалин.

Два друга почтительно поклонились туристам. Затем они покинули Колизей, унося с собой деньги, лояльно заработанные ими на предприятии «туристской промышленности», единственной, что не знает в Италии кризиса и упадка.

Накупив в бакалейной лавке всякой всячины, друзья свернули в близлежащий переулок, где у порога ветхого дома их поджидал серый кот. Завидя парней, он облизнулся и заглянул им в руки.

— Ладно, ладно, получи свою долю! — улыбнувшись, сказал старший и бросил коту большой кусок колбасы.

Крупный проигрыш

Уже пятый день крыша стокгольмского «Эйс-стадионе» вставала дыбом от хоровых упражнений тихих, солидных, дисциплинированных шведов. На льду, который не таял только потому, что он был искусственный, шли горячие хоккейные бои. Ключки ломались, как спички, и, несмотря на это, советские хоккеисты упорно приближались к золотым медалям.

Билеты на игры, в которых участвовали москвичи, уже подскочили в цене вдвое. Шведы, которых в обычное время не заставишь истратить лишнюю крону, кряхтя раскрывали бумажники.

На длинной трибуне, где все места сидячие, каждый день появлялся высокий мужчина средних лет с толстым портфелем. Он усаживался поудобнее, доставал из портфеля полдюжины пива, устанавливал бутылки под скамьей. Потом раскладывал на коленях программку и извлекал из бумажника деньги. От десяти до пятидесяти крон, в зависимости от сенсационности матча. В продолжение всего матча он пил пиво, кричал: «Хея, хея!» А когда команда-победительница под гром аплодисментов уходила с поля, болельщик засовывал деньги, вынутые из бумажника, в правый или в левый карман спортивной куртки. В правый — с лицом просветленным и счастливым. В левый — с физиономией вытянутой и скорбной.

С приближением финальных игр бедняга швед заметно потускнел, сгорбился, из портфеля он доставал все меньше бутылок пива. В последний день он пришел с пустым портфелем. Весь матч сидел трезвый. Когда советская команда завладела золотой медалью, странный болельщик скомкал пятидесятикронную бумажку, сунул ее в левый карман и с видом великомученика побрел восвояси.

Я попросил знакомого шведского журналиста объяснить мне, что все это означало.

— Очень просто, — улыбнулся он. — Дело в том, что с некоторых пор у нас на спортивных соревнованиях запрещены тотализаторы. А этот тип, видимо, к ним привык. Для него игра не игра, если он не может сыграть на деньги. Вот он и играет сам с собой.

— А почему он сегодня пришел без пива, а ушел пешком?

— Дело в том, что он болел за свою команду и принципиально ставил против советской. А советская команда все время выигрывала. В результате этот болельщик так проигрался, что, как видно, у него уже не было на метро.

**Свое
виденье
Детектив**

*Перепечатывается
из известного автору
толстого журнала*

Инспектор Скотланд-Ярда Уиски Уайтхорс прибыл к месту происшествия точно по инструкции, через четыре минуты и тридцать семь секунд после телефонного звонка.

В маленьком домике на окраине Лондона было беспокойно. Хозяин дома, попыхивая трубкой, шагал по комнате. Стекло в венецианском окне, ведущем в палисадник, было выбито. Несколько зевак толпились у ограды.

— Уиски Уайтхорс, — отрекомендовался инспектор, привычным жестом отвернув левый борт пиджака.

— Очень приятно, — на миг оторвавшись от трубки, промычал хозяин дома. — Вот видите, что он сделал!

— Фамилия? — спросил Уайтхорс.

— Не знаю. Он мне не представился.

— Не его, а ваша.

— Гордонсджин.

— Имя?

— Дры.

Уайтхорс заглянул в блокнот.

— Все совпадает. Приступим...

Он медленно прошелся по комнате, опытным глазом оценивая обстановку. У стен, на столах, на диванах стояли и лежали подрамники с холстами, большие куски картона. На них были изображены во всевозможных комбинациях квадраты, кубы, треугольники, спирали, ромбы и просто размытые пятна.

— Инженер? — спросил Уайтхорс, встряхивая самопишущую ручку.

— Он не оставил визитной карточки.

— Не он, а вы, — уточнил Уайтхорс.

— Я? — Дры от возмущения чуть не проглотил трубку. — Как вы можете меня об этом спрашивать? Я Дры Гордонсджин! Меня знает весь Лондон, все Британские острова, вся Европа. Я художник!

— Художник, — записал в блокнот Уайтхорс. — Ясно. А чем зарабатываете на жизнь?

— Как так чем! — рассердился Дры. — Картинами.

— Картинами? Не ясно... — проворчал Уиски. — Однако расскажите, как все происходило.

— Обычно я просыпаюсь в девять часов утра, — начал свой рассказ Гордонсджин. — Вот, видите, будильник поставлен на девять. Но сегодня, еще до того, как будильник зазвонил, я проснулся от какого-то странного шума. Сперва я подумал, что это дождь бьет о стекла, но, взглянув в окно, убедился, что утро солнечное, на небе ни облачка. Прислушавшись, я определил, что шум исходит из столовой. Это в ней мы с вами сейчас нахо-

димся. Дверь из спальни сюда была открыта, и через дверной проем я увидел фигуру неизвестного мне мужчины. На фоне солнечного пятна он просматривался отлично. Мрачный субъект! Что ему нужно? Он шарил по комнате, открывал ящики шкафов. Перебирал мои картины. Я впервые видел вора не на экране кино. Это было захватывающе! Я выпустил из рук трубку, схватил фломастер и лист ватмана и стал рисовать. Я творил самозабвенно. Абстракции так и вырывались из меня наружу. Рисунок был уже совсем готов, когда вдруг бандит повернулся ко мне спиной. Я не выдержал и крикнул: «Обернитесь! Еще несколько штрихов!» Он обернулся. Увидел меня, кинулся к окну и выпрыгнул на улицу, оставив на полу эти осколки разбитого лбом стекла...

— Т-а-ак! — мрачно произнес Уайтхорс. — Зря вы его спугнули. Он успел что-нибудь унести?

— Не знаю. Здесь столько бесценных картин...

— Стало быть, вы его нарисовали, — задумчиво произнес инспектор. — Это отлично! Дайте мне рисунок. Мы размножим его и разошлем во все отделения полиции. Бандит будет найден.

Дры протянул инспектору кусок ватмана с рисунком. Глаза у Уиски сделались круглыми, как после трех стаканов джина без тоника.

— Это он? — воскликнул Уайтхорс. — О, май мазер¹! Такого бандита я еще никогда не видел.

---

¹Мамочка родная!—Прим. переводчика.

— Я художник, — гордо сказал Гордонсджин. — Я рисую мир таким, каким я его вижу!

— Вам видней, — согласился Уайтхорс и, сунув портрет бандита в портфель, отправился в свой оффис...

...Через несколько дней по размноженному рисунку известного художника-абстракциониста агентами Скотланд-Ярда в Лондоне были задержаны две электронно-счетные машины, три паровые баржи и один двухэтажный автобус.

Здесь уместно напомнить, что в рисунке недоставало двух-трех завершающих штрихов. Лишь по этой причине агенты не задержали товарный поезд.

Заграничная вещь

Пожалуй, это свойственно не только мне. Скорее всего и другие путешественники имеют такое обыкновение. Но у меня это настоящее хобби. В какой стране я ни побываю, я стараюсь приобрести себе такой сувенир, который повседневно напоминал бы мне о путешествии. Чаще всего это какой-нибудь предмет туалета — галстук, или трусики, или в крайнем случае транзисторный радиоприемник. Конечно, гарнитуры мебели, или, допустим, рояль местного производства тоже могли бы служить неплохим сувениром, но при нынешних ограничениях веса багажа на воздушных путях сообщения трусики более реальны.

Я целый месяц провел в Болгарии и, как всегда, о своем хобби вспомнил за три часа до отлета самолета. Другого выхода у меня не было: я забежал в первый попавшийся магазин и купил первую попавшуюся под руку вещь. Мне повезло. Первой попавшейся под руку оказалась меховая шапка, чудесная, мягкая, с шелковистой шерстью. Я водрузил ее на голову, представляя себе, как она будет кстати в морозные дни в Москве.

Самолет вылетел из Софии точно по расписанию и так же точно приземлился на промежуточной остановке в Бухаресте. Здесь все пошло, как положено. С образцовой авиационной предусмотрительностью стюардесса сообщила на трех языках, что в Бухаресте мы можем пообедать, а если желаем, и поужинать, так как погода на трассе изменилась и какого числа она придет в нужное состояние, неизвестно. Спасибо за внимание...

Я не в первый раз был в роли авиапассажира. Я знал, что делать в таких случаях. Я уселся на скамейке перед зданием аэропорта и под рокот моторов блаженно задремал.

Проснулся я оттого, что кто-то положил руку мне на плечо.

Передо мной стоял высокий мужчина в элегантном демисезонном пальто, без шляпы, с мягким шерстяным шарфом, повязанным вокруг шеи. Он держал в руке меховую шапку.

— Это ваша шапка? — спросил он с сильным болгарским акцентом.

Я ощупал свою голову. Шапки на ней не было.

— Видимо, моя, — сказал я.

— Она лежала возле вас на земле. Красивая шапка. Купили в Москве?

— В Софии. Сегодня перед отлетом, — похвастался я. — У меня, знаете ли, есть такое обыкновение — в каждой стране я покупаю себе сувенир, который может повседневно напоминать о путешествии...

— Представьте себе, у меня такой же обычай! — воскликнул он, присаживаясь на скамейку рядом. — Сегодня в Москве перед самым отлетом самолета я купил себе прекрасный сувенир. — Он снял с шеи шерстяной шарф и протянул его мне.

Я повертел в руках его шарф и хмыкнул.

Он повертел в руках мою шапку и тоже хмыкнул.

— Замечательная шапка, — сказал он, — но за нею вам не надо было ездить в Софию.

— Замечательный шарф, — сказал я, — но за ним вам не надо было ездить в Москву.

Я указал ему на марку, пришитую к изнанке шарфа.

Он ткнул пальцем в марку, оттиснутую на донышке шапки.

На моей болгарской шапке значилось: «Сделано в СССР».

На его московском шарфе значилось: «Сделано в Болгарии».

Мы переглянулись. Мы рассмеялись. Мы оба были довольны. Что и говорить, умеют в наших странах делать отличные вещи, особенно на экспорт...

А в общем, мы оба ничего не потеряли. Каждый из нас имеет отличный сувенир из братской страны.

На рассвете, когда погода на трассе наконец пришла в норму, мой новый знакомый поднялся на борт самолета, отлетающего в Софию.

В ту же минуту я поднимался по трапу в самолет, отлетающий в Москву.

Я помахал приятелю на прощание его московским шарфом, сделанным в Софии.

Он помахал мне на прощание моей болгарской шапкой, сделанной в Москве.

Между двух стульев

— Разрешите представиться: Дружков Павел Порфирьевич. Само собой разумеется, тут в Швеции меня называют «господин Дружков». Однако ежели назовете «товарищ» тоже не обижусь. Прикомандирован к вам, как это говорится, «гидом», что по-русски будет «сопровождающий».

Передо мной стоит невысокий человек с круглой лоснящейся физиономией. Короткая шея туго стянута крахмальным воротником. Галстук бабочкой. Поношенный пиджак в обтяжку. Некогда модные остроносые туфли. В руках потертая шляпа с загнутыми кверху полями.

Нужно как-то откликнуться на его приветствие, но как? Господин? Неловко! Имя, отчество и фамилия у него русские. Товарищ? Но этот диалект старорежимного городского, эта засаленная шляпа и улыбка лакейски-угодливая, словно тоже засаленная...

Попробую поговорить с ним начистоту.

— Как вы попали в Стокгольм, Павел Порфирьевич?

— Обыкновенно как: жил я в деревне, когда началась война с финнами. Будучи мобилизован в ряды Красной Армии, оказался на фронте под Ленинградом. Само собой разумеется, попал в финский плен. Был интернирован, что по-русски значит — препровожден в тыл. Потом началась эта... мировая война. Как русский пленный был интернирован подалее от фронта — в Швецию...

— Почему же из Швеции вы не «интернировались» обратно на родину? Швеция-то в войне не участвовала!

— Само собой разумеется... Однако к тому времени обзавелся хозяйством, неподалеку от Стокгольма, тут, в Худдинге. Покидать было никак невозможно...

— А в России небось родных покинули...

— Само собой разумеется, жена осталась... и ребеночек. Ничего об них не знаю...

Здесь, пожалуй, можно продолжить рассказ за Павла Порфирьевича: жил на деревне потенциальный кулак, мечтавший о собственном угодье. Ел колхозный хлеб, а сам как волк поглядывал в лес. Подвернулся случай, и сбежал кулак, оставив на произвол судьбы жену и ребенка. Попал в «капиталистический рай», поступил половым в кабак, то бишь как их здесь называют «кафесуога». На чаевые да на прочие подачки купил клочок земли и почувствовал себя хозяином... А вот хозяин ли он? — сейчас разберемся.

— Вы что ж, Павел Порфирьевич, и в подданство шведское вступили?

— Никак нет. Покамест не принимают. Числюсь в иностранных подданных.

— Это в каких же — иностранных? В советских, что ли?

— Никак нет. Из советских выбыл. Просто так — в иностранных...

Положение Павла Порфирьевича похоже на сидение между двух стульев. Позиция эта, как известно, малоустойчива и жизненному равновесию не способствует. В соответствии со своей дислокацией, господин Дружков качается из стороны в сторону. Находясь в обществе советских людей, презрительно кивает в сторону шведов:

— Ну что у них за культура... Живут оне, извините за выражение, только пьют да едят! Спать оне ложатся в девять часов. В театры оне не ходют...

Оставаясь наедине со шведами — кивает в сторону советских людей:

— Ну что у них за культура. Сколько я их на своем веку перевидал, ни один, поверите, галстук-«бабочку» не носит. Ей-богу! У них таковые даже не производят...

Может возникнуть вопрос: каким образом этот человек без родины, «господин» с психологией подкулачника и культурой полового, стал гидом в столице просвещенной Швеции?

На это неосторожно ответил он сам. Никакой он не гид. Он просто «прикомандированный», мягко выражаясь — «сопровождающий»...

— Заседание отборочной комиссии начинается. Кто там первый, войдите!

Перед столом комиссии вырос здоровенный детина, назвавшийся Бобом Смайлсом.

Члены комиссии стали ощупывать его бицепсы и трицепсы, его икры и ляжки и, судя по всему, результатами обследования остались довольны.

— Садитесь, Смайлс!

Председатель комиссии отечески поглядел на кандидата.

— Расскажите, какими видами спорта вы занимались прежде чем прийти к нам?

— Бёгом.

— Еще.

— Бёгом на коньках.

— Еще.

— Бёгом на лыжах.

— Послушайте, Смайлс, а чем-нибудь более существенным, чем бег, вам не приходилось заниматься?

— Почему же! Занимался боксом.

— Боксом?! Отлично! Алло! Пригласите сюда Гаррисона. Здорово, Дик! Надень-ка перчатки. И вы тоже, Смайлс. Так! Вы оба, кажется, одной весовой категории. Если тебе не трудно, Дик, пощекочи немного мистера Смайлса. А мы поглядим, что он умеет... Так! Отлично! Брек! Брек! Продолжим. Молодец, Смайлс! Отлично, Смайлс! Прекрасно!! Эй, кто там есть! Унесите мистера Гаррисона... С боксом, Смайлс, у вас все в порядке! А не пробовали ли вы заниматься борьбой дзюдо?

Пробовали! Алло! Пригласите сюда Дженкинса. Привет, Том! Побалуйте немного с мистером Смайлсом, а мы поглядим, на что он способен... Стоп! Стоп! Мистер Смайлс, вы же видите, что Том подает болевой сигнал!.. Отпустите его, вы ему вывихнете руки! Идите, идите, Том, пусть вам сделают массаж предплечий, руки опять начнут действовать... Поздравляю, Смайсл, вы просто находка для нашего любительского клуба. Что? Ах, вы близоруки! Плохо видите шайбу? Без очков не знаете, куда бить клюшкой. А ноги противника вы видите? Даже и шею и скулы видите. Куда же больше! При такой силе, да при таком боксерском таланте, да при таком знании приемов дзюдо — зачем вам очки. В крайнем случае бить по шайбе вместо вас будет кто-нибудь другой. Это заблуждение, что в хоккее — главное уметь бить по шайбе. Мы с вами, слава богу, не в Европе, дружок, а в Канаде! Кто там следующий, войдите!

**Без пяти
минут**

Человека забыли

К чеховским дням в театре решили поставить «Вишневый сад».

Директор вызвал к себе молодого режиссера Надеждина и отечески похлопал его по плечу.

— В Москве впервые «Вишневый сад» поставил сам Станиславский К. С., — значительно сказал он. — В нашем городе это задание поручено вам. Идите по стопам товарища Станиславского и действуйте согласно его системе!

Режиссер рьяно взялся за работу. Вскоре были найдены «зерна» всех взаимоотношений, застольный период благополучно подходил к концу, оставалось разобрать заключительную сцену...

По сигналу режиссера помреж стал ожесточенно вертеть ключ в замочной скважине. Артист Лазурский, игравший Фирса, догадавшись, что это запирают все двери усадьбы, в которой он покинут, вяло прошамкал:

— Заперто. Уехали... Про меня забыли...

— Стоп! Стоп! — поморщился Надеждин, захлопав в ладоши. — Это никуда не годится! Поймите, Викентий Кондратьевич, ведь это не просто фраза, которую можно произнести как угодно. Этими словами Антон Павлович Чехов как бы резюмирует свое произведение. Понятно?

— Понятно! — сказал Лазурский. — Так бы сразу и сказали, что резюмирует. — И, став в позу оратора, он пробасил: — Заперто. Уехали... Про меня забыли...

Режиссер даже зажал уши.

— Давайте попробуем разобраться в чувствах Фирса, — мученически произнес он. — Фирс говорит, казалось бы, простые слова: «Про меня забыли», — а прислушайтесь! В них звучит огромная человеческая драма. Человека забыли! Понимаете, живого человека! Здесь и внутренняя горечь, и затаенная боль, и скрытое негодование...

Режиссер с надеждой посмотрел на Лазурского. Тот безразлично ковырял в зубах.

— Хорошо, — сказал Надеждин, — для вскрытия подтекста попробуем найти подходящий пример из нашей жизни. — Режиссер задумался. — Допустим, вам стало известно, что наш театр собирается ставить новую пьесу. Вы являетесь за ролью, а вам говорят, что все роли уже распределены. Что вы скажете?

— Безобразие! Хулиганство! — рявкнул Лазурский и хватил кулаком по столу так, что затрещали доски.

Надеждин схватился за голову.

— Не то! Не то! — простонал он. — Это негодование уже слишком явное. Попробуем пример не такой сильный... Представьте себе, что вы хотите войти в автобус, а кондуктор перед самым вашим носом захлопывает автоматическую дверь. Ну-ка, войдите в образ! Только, пожалуйста, оперируйте словами Чехова.

— Заперто. Уехали... Про меня забыли... — взвизгнул Лазурский.

На лице режиссера изобразилось отчаяние. Все последующие примеры из жизни, к которым он пытался прибегнуть для вскрытия подтекста, вызывали у Лазурского более или менее точные проявления гнева, затаенной боли и горечи в разрозненном виде. Объединить все это в сложную гамму человеческих чувств не удавалось.

— Вы бы попробовали по старинке, с голоса, — посоветовал старый актер, видя, как мучается Надеждин. — С голоса он скорее возьмет. Ей-богу!

Надеждина даже передернуло.

— Мы не в прежней театральной провинции! — отрезал он. — Мне государство стипендию платило не за то, чтобы я пьесы с голоса ставил!

Однако дело зашло в тупик, и пришлось объявить перерыв.

Этим воспользовался заведующий литературной частью.

— Товарищи, прошу не расходиться, — торопливо сказал он. — Члены художественного совета обещали проинформировать коллектив о прочитанных ими новых пьесах, которые прислал нам «Отдел распространения» из Москвы.

Все расселись вокруг стола.

— Разрешите мне, — поднялся с места актер на ролях положительных героев. — В пьесе, которую поручили мне прочесть, действуют два положительных героя: молодые ученые Евгений и его друг Даниил. Даниил написал научную диссертацию, а Евгений считает ее талантливой. Однако директор института (герой отрицательный) восстает против

этой диссертации, так как она опровергает его собственную устаревшую теорию. Тут начинается конфликт. Положительный Евгений из страха испортить свою служебную карьеру становится на сторону отрицательного профессора, предав идеи положительного Даниила и превратившись таким образом из положительного образа в отрицательный...

— Э, батенька! — вмешался пожилой резонер. — Эту пьесу я читал! Там дело касается псевдонаучной диссертации некоего Петра Петровича. Только он не директор института, а старший консультант министерства. А вот его бывший товарищ по университету, тот действительно директор ветеринарного института. Поначалу, выбиваясь из отрицательных персонажей в положительные, он пишет о диссертации своего однокашника разгромную рецензию. Но потом из страха испортить свою служебную карьеру отказывается от собственного мнения и становится еще более отрицательным, чем был вначале.

— Весьма странно... — мрачно вставил трагик. — Вот передо мною лежит пьеса, которую поручили прочитать мне. Имена-отчества в ней вроде иные, и среда совсем не та, однако персонажи и их поступки совершенно идентичны. Скажите, друзья, когда в пьесах, доставшихся вам, положительный герой восстает против отрицательного, он начинает терпеть бедствия?

— Еще какие! — чуть не хором воскликнули все члены репертуарного совета.

— Его снимают с работы! — возмутился актер, которому по амплуа пришлось бы играть именно этого героя.

— От него отворачивается любимая девушка, — грустно вставила молодая героиня.

— И только вмешательство высшей инстанции кладет конец всем этим безобразиям, — добавил характерный актер, хлопнув ладонью по последней странице лежавшей перед ним рукописи.

— Это что же получается? — хихикнул комик. — Мы с вами читали одно и то же произведение?

— Да нет же, пьесы разные. Вот и названия непохожие...

Режиссер строго посмотрел на завлиту.

— Может быть, нам прислали разные варианты одной и той же пьесы, а вы не разобрались толком и рассовали их членам художественного совета?

— Да как же такое! — Завлит сгреб пьесы в кучу. — Смотрите сами: все авторы разные. Даже в разных городах проживают. И места действия разные, ей-богу! Вот здесь действие происходит в ветеринарном институте, а тут — в колхозе, а здесь, например, — на крупном заводе.

— Мне все равно, где происходит действие! — вздохнула пожилая актриса. — Мне важно знать, что люди чувствуют, как они мыслят, за что борются, кого любят... Помните «Грозу», «Нору», «Вишневый сад»?..

— Вы мыслите устаревшими категориями, — возразил заведующий литературной частью. — В драматических произведениях, предложенных худсовету, имеется нужное количество действующих лиц. Они действуют, совершают поступки, двигают сюжет...

— Действующие лица? — рывкнул трагик,

поднявшись во весь свой трагический рост. — А человек в этих пьесах есть? Отвечайте!

— Человека забыли! Живого человека! — с тоской произнес актер Лазурский...

И были в этих словах и внутренняя горечь, и затаенная боль, и скрытое негодование в полной гамме, которая требовалась от Фирса...

Система Станиславского

Город у нас небольшой, всего восемьдесят тысяч жителей, а театр построили на восьмьсот мест. Если одну пьесу сыграть сто раз, можно уже писать в отчетах о стопроцентном охвате всех граждан города, включая грудных младенцев и долгожителей пенсионного возраста.

В других городах дают четыре премьеры в год, а у нас десять. Каждый месяц премьеры. Одну пьесу играем, вторую выпускаем, третью снимаем с репертуара. Художники приспособились: декорации делают унифицированные, в одной и той же лесотаре можно играть и «Гамлета» и «Стряпуху».

Большую помощь нам оказывают классики. К примеру, Островский. Его «Бесприданницу» мы уже какой год ставим, а зрительный зал почему-то все полон.

В «Бесприданнице» я играю Паратова. Такой типичный дореволюционный судовладелец тридцати лет. Правда, мне под пятьдесят, но в театре это значения не имеет.

Так вот этот самый Паратов — кутила, прожигала — состояние свое промотал, на бесприданнице Ларисе Дмитриевне обещал

жениться, а как до дела дошло, скрылся с глаз, почище сегодняшнего алиментщика.

Что и говорить, роль прекрасная. Приятно слышать, как зрительный зал замирает, но морально тяжело. Ощущаешь себя отъявленным подлецом. Ну, обручился с богатой купчихой, так зачем решил бесприданнице свадьбу сломать? Так, просто из прихоти.

Помните решающую сцену:

— Послушайте, — говорит Паратов Ларисе Дмитриевне, — мы едем всей компанией кататься по Волге. Поедемте!

Это он задумал ее от жениха увезти.

Эту сцену мы с Игумновой играли бесподобно. Она тяжело дышала, вроде от переживаний, а по правде сказать, от корсета «грация», в который ее безбожно затягивала костюмерша. Я метал искры из глаз. Игумнова делала демонический жест, словно у нее все закружилось перед глазами, и восклицала:

— Когда же ехать?

— Сейчас или никогда!

— Едемте!..

Ну, конечно, в зрительном зале аплодисменты, иногда даже цветы кидали!..

Но вот в начале нынешнего сезона в труппу вступила новая актриса Нина Забавина. Она окончила ГИТИС и прибыла к нам по разверстке.

Какая-то она была невзрачная. Хрупкая, курносая, глазки неподведенные. Такой разве только Валентину с Валентином играть или Таню в одноименных пьесах.

Погуляла она у нас с недельку без дела, пьесы смотрела из зрительного зала и вроде совсем потускнела.

Наш главный режиссер на собрании труппы спрашивает ее:

— Осмотрелись, огляделись? Пора к работе приступать. В каких пьесах играли на курсе?

— В «Бесприданнице», — тихо сказала Забавина.

— Очень хорошо. Это из нашего репертуара. Кого играли?

— Ларису Дмитриевну.

Мы все переглянулись.

— Ну и как?

— Это моя дипломная работа. Сдала с отличием.

— Вот и отлично! — обрадовался главный и, кивнув в сторону Игумновой, сказал: — Возьмите шефство над дебютанткой. Пройдите с ней мизансцены, передайте опыт. В среду ставим Забавину в спектакль.

В среду играть с новой партнершей предстояло мне.

По ходу действия первая встреча Паратова с Ларисой происходит в середине пьесы.

— Я позову к вам Ларису, — говорит ее мамаша и выходит. И входит Лариса...

Господи, что это! Передо мной явилась юная красавица. Нежный цвет лица, страдальческая улыбка. Сама женственность и грация.

— Не ожидали? — спросил я дрогнувшим голосом.

— Нет, теперь не ожидала. Я ждала вас долго, но уж давно перестала ждать.

Как она это сказала! В голосе и на глазах у нее дрожали слезы. Я почувствовал, как комок подкатывает у меня к горлу. Я продолжал говорить слова из роли, но, слушая

себя, понимал, что это говорю не я, и не тот Паратов, к которому я привык. И зрители замирали, не зная, куда я клоню...

Увы, и я не понимал в какую западную меня влечет.

В третьем действии наступала решающая сцена.

— Зачем я бежал от вас? На что променял вас? — воскликнул я, чувствуя, как во мне все дрожит.

— Да, надо правду сказать, — с внутренним мучением произнесла Лариса, — вы долго отравили мою жизнь... — Она взглянула на меня просто, но с таким страданием!..

В зрительном зале раздалось громкое всхлипывание.

— По системе Станиславского кроет! — долетел до меня восторженный шепот из-за кулисы.

Мы подходили к кульминации. Я должен был схватить Ларису за руку и увезти ее от жениха в пьяную компанию за Волгу.

Когда-то в студии и мне преподавали систему Станиславского. Учили не изображать чувства, а жить ими. Мне редко приходилось вспоминать об этом при десяти премьерах в год. Но тут что-то затуманило мне голову.

— Послушайте! — прошептал я, настороженно оглянувшись. — Мы едем всей компанией кататься по Волге, на катерах... — Я говорил слова Паратова, но мысли у меня были иные. Разве мог я обмануть чистую, несчастную бесприданницу... И вместо слова «Поедемте!», — вызывавшего обычно дрожь в зале, я воскликнул: — Не езжайте с нами!.. Умоляю вас!..

Гром аплодисментов разразился в зале. В первом ряду пожилая женщина всхлипнула. Лариса смотрела на меня с жалостью и сочувствием.

— Нет, милый, — нежно, но твердо сказала она, — я поеду с вами за Волгу. Так надо...

Это был самый черный день в моей жизни. Как меня прорабатывали после спектакля!..

Но он стал и самым светлым для меня днем.

Квартет

Мы решили создать квартет легкой музыки. Городок у нас небольшой, но что из этого? Соседний и того меньше, а там функционируют два квартета — вокальный и вокально-инструментальный.

Гога немножко играет на гитаре, Андрей Романович в юности учился на контрабасе, Слава высвистывает на пальцах мелодии советских композиторов, а у меня есть магнитофон.

В субботу мы отправились за город, к речке, чтобы на свежем воздухе обсудить наши возможности.

Инструменты были при нас, кроме, конечно, контрабаса, который в автобус, набитый дачниками, не поместился.

Повестка дня состояла из трех вопросов:

1. Цели и задачи квартета.
2. Распределение обязанностей.
3. Текущие дела.

Цели и задачи мы определили сразу: пропаганда произведений композиторов нашего города.

Гога, склонный к скептицизму, заметил,

что в городе есть только один композитор, но сочиняет он шахматные задачи.

Слава, склонный к афористичности, высказал мысль, что, дескать, был бы квартет, а композиторы набегут.

Мы перешли ко второму вопросу. Распределение обязанностей тоже не заняло много времени. Записали:

Гога — гитара.

Андрей Романович — контрабас.

Слава — художественный свист.

Я — магнитофон.

Заело с «текущими делами».

Первым текущим делом надо было придумать квартету название.

Гога предложил «Поющие гитары».

Слава запротестовал: гитара в ансамбле была одна.

Слава предложил «Соловьиные трели».

Гога запротестовал: свистун тоже один.

Андрей Романович заявил, что название должно быть не только интригующим, но и фольклорным.

Гога предложил «Лос Колхидос».

Слава запротестовал.

— «Лос Одессос», — предложил Слава.

Гога запротестовал.

— «Лос Тбилисос», — предложил Гога.

Слава запротестовал.

— «Лос Калугас», — предложил Слава.

Гога запротестовал...

Через час стало ясно, что мы зашли в тупик.

— Есть выход, — сказал Андрей Романович. — Оставим в покое фольклор. Придумаем что-нибудь поэтическое.

— «Аккорд», — предложил Гога.
— Было! — сказал Слава.
— «Октава», — предложил Слава.
— Было! — сказал Гога.
— «Поэма», — предложил Гога.
— Было! — сказал Слава.
— «Чипаруча», — предложил Слава.
— А что это такое? — спросили мы.
— Ничего. Просто так. Но зато этого наверняка не было.

Стало ясно, что мы окончательно зашли в тупик.

— Есть выход, — сказал Андрей Романович. — Надо искупаться.

Солнце угрожающе склонялось к закату.

Мы искупались. Закусили. Сыграли партию в домино. И разъехались по домам.

Слава поступил в мастерскую по ремонту гитар и домбр.

Гога подражает голосам разных птиц в местном театре Юного зрителя.

Андрей Романович начал писать мемуары на тему «Как я учился играть на контрабасе».

А я... Что я?... У меня магнитофон. У меня отбоя нет от приглашений. На банкеты, на вечеринки, на пикники.

Так что мы все при музыке.

Вот только жаль, что квартет распался. Мы бы вполне могли выступать на радио или на телевидении...

**Без пяти
двенадцать**

Боб и Доб

Под Новый год в театре давали «Ревизора». Решено было сократить антракты, чтобы

и актеры и зрители могли спокойно поспеть к новогоднему столу. Даже заключительную немую сцену несколько ужали, и помреж на минуту раньше положенного дал сигнал «завес!».

Антон Антонович с супругой были этому весьма рады.

— Вот видишь, милая, как все хорошо получилось, — ворковал Антон Антонович, получая в гардеробе шубы, минуя очередь. — А ты волновалась. Еще нет десяти часов, а мы уже на пути домой. Стол у нас накрыт заблаговременно. Будет еще время отдохнуть до съезда гостей.

— Спасибо, дружок, — отозвалась супруга, — какой прекрасный вечер. И спектакль мне очень понравился. Я от души посмеялась. Городничий и его супруга, и Ляпкин-Тяпкин, и Земляника, все такие смешные... А особенно Бобчинский и Добчинский... Вот уж сплетники какие!.. И как только им наивные люди верили.

— Персонажи бывшего мещанства, — рёзюмировал Антон Антонович, — типы, ушедшие в прошлое...

Так, вспоминая смешное в комедии, в самом отличном настроении супруги добрались до дому.

Новогодний стол сверкал хрусталем и нержавеющейкой. Хозяйка обошла свои владения, рукою мастера наметила последние штрихи в сервировке.

Стали подъезжать гости. Антон Антонович развлекал их забавными, но уже прошлогодними анекдотами. Хозяйская дочка, окруженная молодыми людьми, причесанными по по-

следней моде средневековья, пела мужским голосом, аккомпанируя себе на стереофоническом магнитофоне.

И вот общество уже было в сборе. Не хватало только двух гостей — Боба и Доба. Хозяйка беспокойно поглядывала на стрелки часов, с торжественной медлительностью приближавшиеся к двенадцати. Гости поглядывали на блюда с закусками и подсчитывали в уме, сколько чего придется на один пай в десять рублей, как вдруг дверь отворилась и в ней застряли двое округлых, полулысых, не совсем молодых людей.

— О! Боб и Доб! — воскликнула хозяйка. — Вы чуть не опоздали!

Боб и Доб попытались вырваться из дверного проема, но застряли они крепко. Гости пришли им на выручку: один уперся ногой в Боба, другой рванул на себя Доба, и пробка была ликвидирована.

Ввалившись в комнату, Боб и Доб затараторили наперебой:

— Чрезвычайное происшествие!

— Ужас! Кошмар, что мы пережили!

— Что? Что такое? — взволновался Антон Антонович.

— Приходим мы с Добом в ваш двор... — начал Боб заплетающимся от страха языком.

— Э! Позволь, я расскажу, — перебил его Доб.

— Э! Позволь уж я, — запротестовал Боб.

— Да говорите вы, ради бога! — рявкнул Антон Антонович. — Что там такое?

— Сейчас, сейчас, я все по порядку, — начал Боб. — Значит, сели мы с Добом в

троллейбус номер пять и доехали до вашей остановки.

— На углу, где пивной киоск, — уточнил Доб.

— Входим во двор...

— А во дворе тьма-тьмушая. Лампочка не больше, как на десять свечей! — подхватил Доб.

— Только что мы во двор, как вдруг какой-то мужчина непонятной наружности...

— Дубленка на нем старомодная, до пят... И почему-то красного цвета...

— Красного цвета! — вскричала хозяйка, схватившись за сердце. — Это он, который с ножом! Он на все красное кидается...

— Мешок у него огромный! И бородища!

— По виду сущий бандит!

— «Э!» — потихоньку говорю я Добу.

— Э, нет уж! Это я сказал «Э!» Бобу.

— Сначала ты сказал, а потом я сказал, — согласился Боб. — «Э!» — сказали мы с Добом. — Чего ему нужно здесь во дворе, перед полночью, когда все честные люди Новый год встречают?

— Никак по пустым квартирам шарит! — подхватил Доб.

— А он вдруг говорит: «Граждане, не знаете ли вы, где здесь квартира сорок девять?»

— Минутку! — перебил хозяин дома дрожащим голосом. — Квартира сорок девять — это наша!

И тут в дверях раздался звонок.

Гости дамского пола бросились кто куда. Мужчины вооружились ножами из сервиза.

— Не открывайте! — слышался приглушенный голос хозяина из туалета.

— А мы... того... двери запереть забыли! — простонали Боб и Доб.

Дверь отворилась, и в комнату вошел гражданин непонятной наружности. В дубленке красного цвета до пят и с большим мешком за плечами.

— Извините! — сказал он простуженным голосом. — Это квартира сорок девять?

— А вы откуда? — заикаясь, спросил хозяин. — Из Мосгаза?..

— Нет, из Москонцерта. В роли Деда Мороза из бюро добрых услуг. Новогодние подарки заказывали?..

Все застыли словно в окаменении...

Дед Мороз из Москонцерта поглядел на часы, воскликнул: «Ой, я опаздываю!», высыпал содержимое мешка на пол и исчез.

Мужчины, вооруженные столовыми предметами, повернулись к Бобу и Добу.

— Прибежали, как сумасшедшие! «По виду суший убийца! По пустым квартирам шарит!» Сплетники! Лгуны проклятые! Только рыскаете по городу да смущаете всех. Сплетни сеете! Пачкуны! Колпаки! — зашумели гости, обступая Боба и Доба.

— Ей-богу, это не я! — заканючил Боб. — Это Доб!

— Э, нет! — захныкал Доб. — Это Боб первый, того...

— Типы, уходящие в прошлое! — рявкнул Антон Антонович и почему-то посмотрел в зеркало...

Новогодний тост

А в квартире напротив праздничный стол сверкал белизной и манил магнетической си-

лой. Гости заняли свои места. Наступила томительная пауза, во время которой все присутствующие глотали слюнки и с тоской поглядывали на минутную стрелку часов. А она, подлая, как на зло, ползла по циферблату так медленно, будто часам именно на эти несколько минут не хватило завода.

Выручить мог только тост. Не очень длинный, но и не очень короткий, в общем такой, чтобы его последние слова совпали с первым ударом часов на Спасской башне.

Но в эту ответственную минуту у всех словно языки прилипли к гортани. Все поглядывали друг на друга и молчали. Ну! Кто отважится взять слово? Может быть, тот кряжистый гражданин в железнодорожной форме? Или этот красивый мужчина в мундире офицера? Или эта молодая женщина...

Наконец с места встал хозяин дома. С видом человека, приносящего себя в жертву коллективу, он поднял бокал.

— Товарищи, — начал он, теребя стопку бумажных салфеток так, словно это был блокнот с тезисами выступления. — Товарищи, сегодня мы присутствуем на очень важном событии. Через несколько минут состоится пуск нового агрегата, то есть, простите, пожалуйста, это я по привычке! Я хотел сказать — состоится пуск нового года...

Все засмеялись и оратор смущенно опустился в кресло. С места поднялся моложавый человек в морской форме.

— Простим нашего хозяина, — сказал он, улыбаясь. — У него на уме все только новые агрегаты, новые цеха. Разрешите тогда уж сказать мне. — Он в нерешительности по-

молчал, словно подыскивая нужные слова, оглядел внимательную аудиторию и неожиданно заговорил голосом, хриплым от волнения:

— Товарищи! В торжественный момент спуска на воду нового судна, то бишь, как его... этого... нового года...

Аплодисменты и смех покрыли его слова.

— Нет уж, вы меня извините, — заговорил сухонький, гладко выбритый старичок. — Тут вы оба несколько того... запутались. Это, видите ли, не пуск, и не спуск, а запуск, да, да, вот именно — запуск нашего очередного нового космического корабля... — он замахал руками и закашлялся от смеха, — вот и я туда же!

— Одним словом, если говорить по-нашему, — вставил железнодорожник, — сейчас заканчивается обкатка нового года, поскольку через несколько минут ему предстоит отправиться в первый рейс...

— Не обкатка, а пробный выезд в поле, — поправил с председательского места древний дед хозяина дома.

— Вы все, друзья, правы, каждый по-своему, — сказал, поднявшись с места, художник. — Но давайте разберемся, что из себя представляет в нашей жизни каждый Новый год? Что это, как не новая выставка наших успехов, нашего творчества, нашего роста? А раз это выставка, значит, у нас сегодня вернисаж!

— Премьера, — лаконично заметил гость с бантиком на крахмальном воротничке.

— Ну уж только не премьера! Премьеры довольно часто проваливаются, а с Новым годом этого никогда не случалось.

— Старт, и только старт! — звонко выкрикнула миловидная девушка. — Сегодня старт, а весь год соревнование.

— А когда же финиш? — не без ехидства спросил кто-то.

— Финиш тогда, когда ваше предприятие сумеет рапортовать о выполнении годового задания.

— Друзья, — примирительно сказала хозяйка, — как в общем все хорошо обернулось. Мы не могли дожидаться одного тоста, а получили сразу десяток. И все близки сердцу каждого из нас. Но так как стрелка часов приближается к заветной минуте, и для десятка тостов у нас не хватит времени, да, пожалуй, и жидкости в бутылках, позвольте мне предложить свой. От сердца женщины. Выпьем за рождение! За рождение Нового года, который принесет нам и пуск новых агрегатов, и спуск на воду новых судов, и запуск в космос новых кораблей, и обкатку новых электровозов, и новые вернисажи, и новые премьеры, и старты и финиши, и многое другое, о чем не успели здесь сказать.

С этим все согласились и подняли свои бокалы, и это было очень кстати, потому что куранты Спасской башни полили свой мелодичный звон, возвещая о том, что Новый год благополучно появился на свет...

Содержание

Тысяча извинений	3
Цепная реакция	47
Среди профессионалов	103
Без пяти минут	123

Лабковский Наум Давыдович

МЕДВЕЖИЙ ДУШ

Юмористические рассказы

Редактор В. Петров

Художник В. Катанов

Художественный редактор Н. Егоров

Технический редактор Е. Румянцева

Корректор З. Князькова

Сдано в набор 30/IX-1976 г. Подписано к печати 21/I-1977 г. А06623. Формат изд. 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 5,27. Уч.-изд. л. 4,90. Тираж 30 000 экз. Заказ № 4323.
Цена 43 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Рязанская областная типография
390012, Рязань, Новая, 69/12